

АЛЕКС РОУСОН

перевод Ольги Чумичёвой

МОЛОДОЙ АЛЕКСАНДР

КАК АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ СТАЛ ВЕЛИКИМ

МИО

МИФ Культура

Алекс Роусон

Молодой Александр

«Манн, Иванов и Фербер»

2022

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Роусон А.

Молодой Александр / А. Роусон — «Манн, Иванов и Фербер»,
2022 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-214097-8

Великий завоеватель, просвещенный правитель или безумец с манией величия? Александр Македонский – одна из самых противоречивых фигур в мировой истории. Каждое поколение видело своего Александра. О его юности до недавнего времени и вовсе было известно очень мало. Но последние археологические находки позволяют нам по-новому взглянуть на становление его личности. В этой захватывающей книге рассказывается о том, как начинался путь, который привел Александра на вершину мира. На русском языке публикуется впервые.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-00-214097-8

© Роусон А., 2022
© Манн, Иванов и Фербер, 2022

Содержание

Пролог	8
Часть первая. Царевич (356–336 годы до н. э.)	13
Глава 1. Небесное пламя	13
Глава 2. Знакомство с македонянами	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алекс Роусон

Молодой Александр

The Young Alexander: The Making of Alexander the Great

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title The Young Alexander

Copyright © Alex Rowson 2022

Alex Rowson asserts the moral right to be acknowledged as the author of this work.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

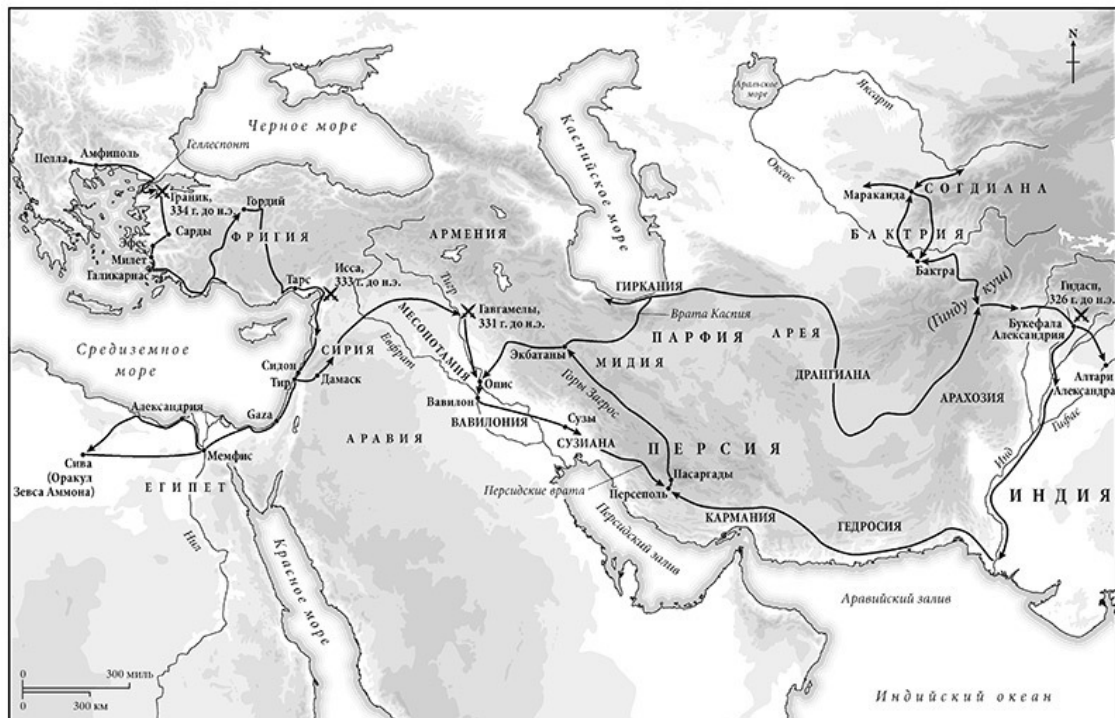
Клану Роусонов

Македония во времена Филиппа II и Александра

Греция, Балканы и Малая Азия (IV век до н. э.)

Азиатская кампания Александра (334–323 гг. до н. э.)

Пролог

Восьмого ноября 1977 года, в греческий православный праздник архангелов Михаила и Гавриила, замковый камень гробницы наконец был поднят, и в погребальную камеру впервые за два тысячелетия проник свежий воздух. Вокруг собралась команда археологов, и Манолис Андроникос, руководивший раскопками в Вергине на севере Греции, осторожно наклонился и просунул голову в маленькое прямоугольное отверстие. Внутри было темно и пахло затхло-стью. Первые впечатления не соответствовали ожиданиям Андроникоса. Луч фонарика высветил пару грубо обработанных мраморных дверей, стены не были украшены даже белой штукатуркой, обычной для подобных гробниц. Массивная земляная насыпь и изящная роспись на фасаде строения обещали многое, и столь незатейливая обстановка стала для ученого горьким разочарованием. «Я совсем растерялся», – написал позднее Андроникос в своих мемуарах¹.

Но самым удручающим было то, что и на полу перед дверьми ничего не обнаружилось. Андроникос высунул голову из гробницы, утратив привычное присутствие духа, и выдохнул: «Пусто!»² Никто не посмел ему ответить. Снаружи не было никаких признаков взлома, которые указывали бы на древних грабителей, – но как гробница могла оказаться пустой? Не в силах поверить своим глазам, Андроникос снова заглянул внутрь. На этот раз он пролез дальше и направил фонарь прямо вниз. И то, что он увидел в этот раз, заставило его вскрикнуть от восторга. Чтобы приободрить коллег, он начал описывать каждый чудесный предмет в привычной академической манере: «Внизу от проема, совсем близко к стене, стоит небольшой мраморный саркофаг. Справа от себя я вижу много бронзовых сосудов, один бронзовый щит, пару поножей и другие бронзовые и железные предметы. Слева – серебряные сосуды. На полу вижу остатки какой-то органики, полагаю, это сгнившая древесина. На заднем плане виднеется обратная сторона внутренней мраморной двери. В центре камеры, справа от меня, стоит довольно странный доспех-кираса. На стенах никаких украшений»³. Когда ученый наконец поднялся, его лицо было серьезным, но, по словам одного местного археолога, «светилось от затаенного восторга»⁴. Гробница была нетронута. Андроникос своими глазами увидел то, что позже назвал «живой истиной прошлого»⁵.

Содержимое гробницы, ее расположение в древнем городе Эги – родовом центре древней Македонии и месте захоронения македонских царей – вкупе с другими историческими и археологическими данными позволили Андроникосу предположить, что она принадлежала Филиппу II. Это был момент, подобный открытию гробницы Тутанхамона, – настоящий переворот в изучении македонской истории. И если Говард Картер обнаружил останки ничем не примечательного юного фараона, то Андроникос заявил, что нашел последнее пристанище одного из самых известных правителей античного мира, который превратил слабое и уязвимое царство в самую могущественную державу в бассейне Эгейского моря. Это была одна из величайших археологических находок XX века.

Команда археологов приступила к тщательному описанию гробницы и ее артефактов, а Андроникос тем временем сосредоточился на осколках фигурок из слоновой кости, найденных среди остатков истлевшей древесины. Стало ясно, что они некогда украшали фасад

---

¹ M. Andronikos, *The Chronicle of Vergina* (in Greek) (Athens, 1997), p. 118.

² S. Drougou, 'Vergina. On the Tracks of the Macedonian Kings' in *Great Moments in Greek Archaeology* (Athens and Getty, 2007), p. 265.

³ Andronikos, *The Chronicle of Vergina*, p. 119.

⁴ Drougou, 'Vergina. On the Tracks of the Macedonian Kings', p. 265.

⁵ M. Andronikos, *Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City*, p. 70.

изысканного пиршественного ложа. Крошечные лица, величиной около дюйма, были вырезаны искусным мастером. Первым археолог поднял лицо мужчины средних лет с резко выступающим носом и аккуратно подстриженной бородой. Портрет напоминал изображение Филиппа на золотом медальоне из Тарса. Андроникос решил, что держит в руках образ погребенного здесь человека. Следующее лицо, которое он нашел, было совсем другим: молодое, с чисто выбритым слегка вздернутым подбородком и взглядом, угрюмо устремленным вдаль. Андроникос увидел в нем сына и преемника Филиппа, Александра Македонского, но не мог поверить своим глазам: «Я утратил самообладание... Я уже не ребенок, чтобы кричать от восторга, но внутри меня трубили фанфары»⁶.

Андроникос открыл портал в прошлое, в крайне важный период мировой истории. Похороны Филиппа были одним из первых деяний Александра после восшествия на престол, но это событие не зафиксировано должным образом в древних источниках. Открытие гробницы словно вернуло к жизни то мгновение, когда Александр вышел из тени отца. Это была встреча с древностью, которую может подарить только археология.

Александр III Македонский, более известный как Александр Македонский (356–323 годы до н. э.), радикально изменил Древний мир. В 334 году до н. э., через несколько лет после смерти своего отца Филиппа, он начал вторжение в Персию. С жестокостью и блеском он завоевал Малую Азию, Левант, Египет, Ближний Восток, часть Средней Азии и северо-западную Индию, установив контроль Македонии над обширными владениями Персидской империи. История его жизни выглядит фантастической: сын матери, любившей змей, и израненного в боях отца, воспитанник Аристотеля, этот юноша с периферии греческого мира впервые принял участие в военной кампании в возрасте шестнадцати лет, стал царем в двадцать и царем царей в двадцать пять. На знаменитом коне Буцефале он вел в бой своих воинов, словно герой поэм Гомера, стремясь соперничать с деяниями всех, кто сражался до него, – и людей, и богов, потому что считал себя сыном бога. Умирая в Вавилоне в 323 году до н. э., через одиннадцать лет после начала азиатской кампании и за месяц до своего тридцатитрехлетия, Александр оставлял после себя достижения, которые никто и никогда не смог повторить. Его деяния оказали влияние на всю эпоху Древнего мира. Многочисленные города, которые он основал (названные одним и тем же именем Александрия), развивали торговлю между Востоком и Западом. Гомера стали изучать персидские школьники, трагедии Софокла и Еврипида читали в новых, экзотических краях, а речения Дельфийского оракула эхом отзывались в далекой Бактрии (ее столица находилась на территории современного Афганистана). Смешение греческой и восточной культур породило множество свежих идей и художественных форм. Это был рассвет нового, яркого века, широко известного как эпоха эллинизма (323–331 годы до н. э.). Она пролегла между Античностью с ее греческими городами-государствами и Древним Римом. Это была эпоха великих изобретений и поразительных достижений, равную которой трудно найти в истории человечества.

Стиль правления Александра и даже то, как он преподносил себя подданным и миру, стали образцом для всех, кто пошел по его стопам, в том числе *диадохов*, бывших полководцев царя, разделивших завоеванную им империю и создавших ряд независимых царств. Его примером вдохновлялись римские военачальники и императоры более позднего времени. Помпей копировал образ Александра, носил его плащ и принял имя Магнус, или Великий. Говорили, что молодой Юлий Цезарь был до слез тронут, прочитав о свершениях Александра: «Не думаете ли вы, – сказал он своим друзьям, – насколько печально то, что Александр в моем возрасте уже был царем столько народов, а я еще не добился блестящих успехов?» Август какое-то время использовал образ Александра на имперских печатях, а безумный Каракалла верил,

⁶ Andronikos, *The Chronicle of Vergina*, p. 151; Hamilakis, *The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology and National Imagination in Greece* (Oxford, 2007), p. 151.

что сам был реинкарнацией македонского царя. Для тех, кто шел одиноким путем власти, гробница Александра в египетской Александрии была местом паломничества, пока не была утрачена где-то между III и IV веками н. э.⁷

Но призрак Александра не исчез вместе с его гробницей. Его ждала чрезвычайно яркая посмертная жизнь, плавно перетекающая в легенды, отчасти из-за популярности «Романа об Александре», написанного уже в III веке н. э. Этот текст оставался неизменно популярным и в последующие столетия, обрастая многочисленными версиями и дополнениями. «Роман об Александре» называют самым влиятельным историческим романом в мировой литературе, поскольку македонский царь бесконечно преображался в зависимости от вкусов и запросов читательской аудитории каждой новой эпохи⁸. К Средневековью Александр уже был и защитником христианства, царем-рыцарем, и бесстрашным искателем приключений, и мудрецом, изобретателем, опускавшимся в глубины океана в водолазном колоколе и поднимавшимся в небо на примитивном летательном аппарате; и мусульманином, посланником Бога. Его история дошла до отдаленной Британии. Поддельная переписка между Александром и Аристотелем о чудесах Индии является одним из самых ранних сохранившихся произведений, написанных на древнеанглийском языке, а роман XIV века стал попыткой связать Александра с легендой о короле Артуре. Так что Чосер имел все основания написать в «Рассказе монаха», что Александр был так популярен, что все слышали о его судьбе⁹. Сегодня увлечение Александром никуда не делось, он герой многочисленных книг и фильмов.

Однако с самого начала существовали резкие контрасты в оценках личности Александра. Так, для персов он был «Проклятым», величайшим разрушителем, но в то же время законным царем и отважным героем. У современных ученых есть поговорка о том, что у каждого свой Александр, в зависимости от интерпретации источников о его жизни. Каждое поколение, вглядываясь в мутное зеркало истории, приходило к своим выводам: в нем видели и просвещенного правителя, и военного гения, и мегаломаньяка, одержимого властью и величием, и пьяницу, и деспота. Александр, несомненно, был предельно сложной личностью, человеком невероятной энергии и честолюбия, способным на великое сострадание и сокрушительные, бесчеловечные поступки, человеком, стремившимся примирить героические идеалы с реалиями управления самой большой из когда-либо существовавших империй. Его царствование по-прежнему ставит перед нами трудные вопросы, более актуальные, чем когда-либо. Это отношения Востока и Запада, наследие колониализма и влияние авторитарного правления. Неважно, любите вы его или ненавидите. Человека, подобного Александру, в истории больше не было.

Всматриваясь в темноте гробницы в юные черты лица цвета слоновой кости, археолог Андроникос видел в его крошечных глазах тысячелетия истории, мифов и культуры. Этот юноша еще не был великим завоевателем – его подвиги впереди. Он был всего лишь правителем Македонии, человеком, которому предстояло стать Великим. Александр не вышел, подобно Афине, из головы своего отца, его уникальная личность ковалась в горниле македонской культуры, в сложной смеси влияний и событий, которые определили его будущее величие задолго до того, как он устремился на Восток. Когда Александр в двадцать один год выступил

⁷ Plutarch, *Life of Pompey* 2.1 (Помпей и Александр); Appian, *Mithridatic Wars* 24.117 (577) (плащ Помпея); Plutarch, *Life of Pompey* 13.4–5 (Помпей Великий); Plutarch, *Life of Julius Caesar* 11.3 (trans. B. Perrin, Loeb 99) (другая версия предания об Августе: Suetonius, *Julius Caesar* 7.1; в данном случае он испытывает смятение перед статуей Александра); Suetonius, *Augustus* 50.1 (перстень Августа с печатью); Dio, *Roman History* 78.7.2 (Каракалла).

⁸ R. Stoneman, 'The Legacy of Alexander in Ancient Philosophy' in J. Roisman (ed.), *Brill's Companion to Alexander the Great* (Leiden, 2003), p. 325; подробнее о легендах об Александре см.: R. Stoneman, *Alexander the Great: A Life in Legend* (New Haven and London, 2008).

⁹ British Library Cotton MS Vitellius A XV folios 107r–131v (переписка Александра и Аристотеля); *Perceforest* (Александр и Артур) и Chaucer, *Canterbury Tales* 7.2631–70. Общие рассуждения об Александре в литературе средневековой Британии см.: D. Ashurst, 'Alexander Literature in English and Scots' in Z. D. Zuwiyya (ed.), *A Companion to Alexander Literature in the Middle Ages* (Leiden and Boston, 2011), pp. 255–290; G. Cary, *The Medieval Alexander* (Cambridge, 1956).

в персидский поход, он уже любил, терял, убивал и побеждал. Да, его слава гремела в Азии, но сам он был плоть от плоти Македонии.

Эту часть истории Александра редко рассказывают, и на то есть веские основания. Письменных свидетельств о его воспитании совсем мало, а те, что сохранились, окутаны романтическим флером, мифами и легендами. Плохое состояние исторических источников его родины сильно затрудняет исследование. Известно много имен македонских писателей, но до нас не дошло ни одно их сочинение. Наряду со спартанцами, карфагенянами и этрусками их часто называют одним из «молчаливых народов» древности¹⁰. Однако археология наконец возвращает им голос.

Исследование погребенного прошлого Македонии начиналось медленно. В справочнике Британского адмиралтейства от 1920 года утверждается, что за сорок лет, предшествовавших публикации, западные европейцы путешествовали по этому краю меньше, чем по любой другой части Европы к югу от Арктики¹¹. Материковая Греция и острова с их впечатляющими руинами и прославленными достопримечательностями давно привлекали внимание туристов, ученых и антикваров, но к таинственным землям на севере большинство из них были равнодушны.

Ситуация стала меняться в XIX веке, когда несколько энергичных людей отважились отправиться в Македонию, невзирая на плохой климат, бандитов и малярию. Они применили новый подход к изучению истории региона, основанный на исследовании физических следов прошлого, а не письменных свидетельств. Самыми необходимыми вещами в дорожных наборах этих путешественников были револьвер, турецкая феска, маленькая аптечка и обильный запас средств от насекомых, а также добрый запас оптимизма¹². Эти первые исследователи смогли отыскать древние поселения, надписи на камнях, собрать артефакты и заложить основу для развития истории Македонии, которая теперь стала самостоятельной областью научных исследований.

С падением османского владычества в Европе (1912–1913 годы) большая часть исторической территории Македонии была включена в состав греческого государства. Последовали новые раскопки. Раскрытию тайн прошлого способствовали крупномасштабные инфраструктурные проекты, которые серьезно изменили ландшафт: осушались болота, корректировались русла рек, строились плотины, сокращались пространства лесов, через горные склоны были проложены автомагистрали, создавались новые поселения. Но все равно Македония оставалась страной, которая помнит Александра, и теперь мы можем исследовать места и города, в которых он когда-то бывал¹³. Работы продолжают по сей день, каждый год приносит новые находки и важные открытия. С каждым фрагментом этого по кусочкам извлекаемого на свет прошлого – то с помощью лопаты или кирки, а то и совка – мир древней Македонии обретает цельные очертания. Каждый глиняный черепок и кусок ржавого железа, человеческие останки и бесценные сокровища воссоздают некогда утраченную картину. Забытая история молодого Александра открывается постепенно, шаг за шагом, от раскопок к раскопкам.

¹⁰ E. N. Borza, *In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon* (Princeton, 1990), p. 21.

¹¹ *ID 1114: A handbook of Macedonia and surrounding territories. Compiled by the Geographical Section of the Naval Intelligence Division, Naval Staff, Admiralty* (London, 1921), p. 19. Об истории исследования Македонии см.: M. B. Hatzopoulos, 'A Century and a Lustrum of Macedonian Studies' in *Ancient World* 4 (1981), pp. 91–108, 'Macedonian Studies', in R. J. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD* (Leiden and Boston, 2011), pp. 35–42; Borza, 'The History and Archaeology of Macedonia: Retrospect and Prospect' in *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times*, pp. 17–30.

¹² G. F. Abbott, *Macedonian Folklore* (Cambridge, 1903), p. 10.

¹³ Памятники его эпохи расположены на территории современной Северной Греции (Македонии), не путать с Северной Македонией, отдельным государством к северу от Греции, в древние времена эта территория носила имя Пеонии. *Прим. авт.*

Александр. Скульптурный портрет, найденный Андроникосом в Гробнице II, Вергина.
DEA/D.DAGLI ORTI / Getty Images

Часть первая. Царевич (356–336 годы до н. э.)

Глава 1. Небесное пламя

После разрушительного землетрясения начала I века до н. э. от Пеллы, одного из величайших городов древности, почти ничего не осталось, она превратилась в груды черепков и обломков. Лишь несколько районов были обитаемыми, но потом и они обезлюдели, и великий мегаполис постепенно канул в небытие. «Немногие города, столь важные и столь богатые воспоминаниями, оставили так мало следов своего существования», – заметил один путешественник XIX века¹⁴. Помимо местного источника, известного как «Купальни Александра Великого», лишь несколько разграбленных гробниц да россыпь древних находок, собранных фермерами с полей вместе с урожаем, составляли след былой славы города. Раскопки начались сразу после присоединения Македонии к греческому государству в ходе Балканских войн 1912–1913 годов. За два полевых сезона в 1914–1915 годах были обнаружены фрагменты позднеэллинистических домов, остатки фонтана и некоторые предметы, но Первая мировая война спутала все планы. Пелла вновь погрузилась в забвение.

Крупный прорыв случился в начале 1957 года, когда местная семья начала копать подвал для деревенского дома на территории Старой Пеллы, современного поселения, которое перекрывает древнее¹⁵. Жители наткнулись на ионическую колонну и вызвали археолога. Им оказался Фотиос Петсас, который уже исследовал затерянный город. Археолог быстро оценил значение находки и сумел раздобыть денег на небольшие пробные исследования. Выяснилось, что колонны находятся на изначальном месте, зато памятник выходит за пределы предполагаемого деревенского подвала. В последующие месяцы археологи медленно раскрывали план здания, и из пропеченной солнцем земли стали возникать дворы, проходы, вестибюли и банкетные залы. Это был монументальный эллинистический дом, один из самых больших когда-либо обнаруженных, занимавший целый городской квартал. Среди находок оказался потрясающий набор мозаик из речной гальки. На некоторых из них были изображены геометрические узоры, другие представляли собой иллюстрации мифологических сюжетов, в том числе Диониса верхом на леопарде. Эта мозаика дала зданию его современное название – Дом Диониса. Но выделялась среди прочих другая мозаика. Выложенные белой галькой и обведенные терракотовым узором фигуры двух мужчин представали в героической наготе, их тела словно светились на темном фоне, а волосы и губы были окрашены в оттенки оранжевого и красного. В развевающихся плащах и с поднятым оружием они противостояли мускулистому горному льву, помещенному в центр композиции в явной готовности к смертоносному прыжку. Позднее Петсас высказал предположение, что сцена изображает Александра и одного из его товарищей на царской охоте. Это не был мифический образ, это было событие из реальной жизни.

За несколько недель раскопок археологи обнаружили одно из величайших сокровищ Греции. Сложно представить себе более удачную ситуацию для знакомства с богатством, лежащим под землей. Черепица с клеймом «Пелла» уверенно указывала на город, и исследования его руин продолжались вплоть до 1963 года. Позже они были возобновлены в 1976 году и продолжают по сей день. Совместный труд и усилия поколений археологов, реставраторов и каменщиков возродили древнюю твердыню – Пеллу¹⁶.

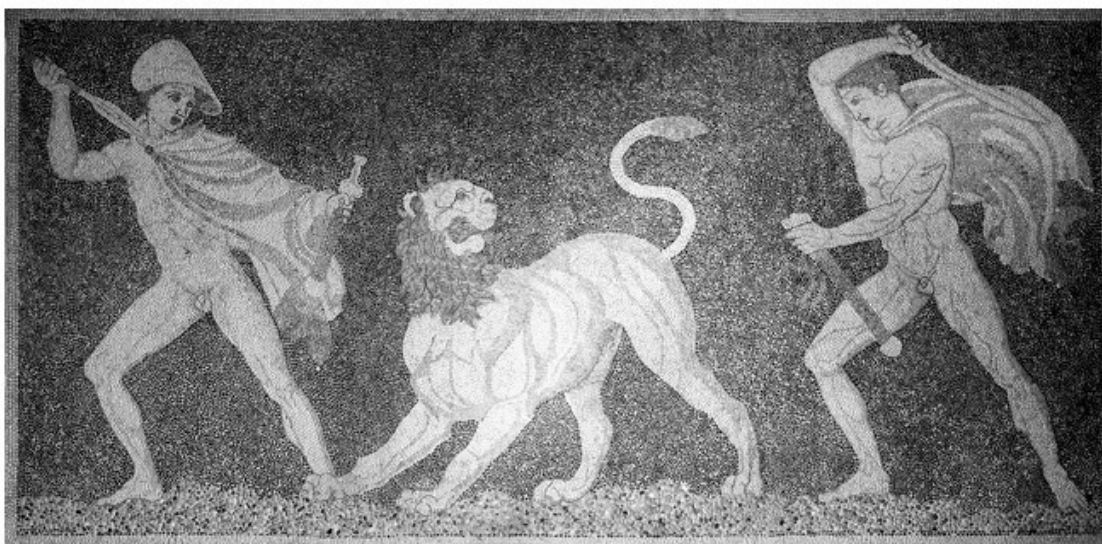
---

¹⁴ T. Desdèvises-du-Dezert, *Géographie ancienne de la Macédoine* (Paris, 1863), p. 338.

¹⁵ Название Старая Пелла помогает отличать ее от Новой Пеллы (Неа-Пелла), еще одной современной деревни, расположенной неподалеку к западу, рядом с римской колонией, которая тоже называлась Пелла (основана в 30 году до н. э.).

¹⁶ Ранние исследования Пеллы описаны в книгах: P. Petsas, *Pella: Alexander the Great's Capital* (Thessaloniki, 1978); M.

Руины Пеллы, которые можно увидеть сегодня, в том числе Дом Диониса, в основном относятся к эллинистическому периоду (323–331 годы до н. э.). Тогда город был перестроен и расширен за счет богатств, приобретенных после завоеваний Александра. Его организовали в соответствии с «гипподамовой системой» – планом городской застройки, разработанным архитектором Гипподамом Милетским, – с городскими кварталами и общественными зданиями, вписанными в аккуратную прямоугольную сетку улиц. Как прожилки листа, под городом расходились водопроводные трубы, а кварталы наполнились магазинами, святилищами, банями и частными домами разной величины и достатка. Яркий свет греческого солнца резко отражается от выщербленного белого известняка их останков. Огромная агора, или рыночная площадь, коммерческое сердце Пеллы, возвышается над городом. Это обширный прямоугольник открытой земли, окруженный колоннадами с комнатами позади, центр, где сходились дороги и люди, крупнейший известный нам комплекс античного форума. В период расцвета Пелла соперничала с другими великими светочами эллинистической цивилизации: Пергамом, Александрией и Антиохией. Это была столица Македонии, но сегодня она чаще упоминается как место рождения Александра Великого.

Охота на львов. Мозаика, Дом Диониса, Археологический музей Пеллы. *DEA/D.DAGLI ORTI / Getty Images*

При этом Пелла, которую знал Александр, была гораздо меньше, и найти ее оказалось труднее. Ее обнаружили лишь на нескольких участках, где археологи смогли углубиться в более ранние слои или исследовать территории современных крестьянских угодий. Раскопки показали, что Пелла изначально строилась по гипподамовой сетке. Античное кладбище обнаружили под восточной частью агоры, а центр раннего города вместе с уцелевшим участком северной крепостной стены – южнее, на краю того, что некогда было большим внутренним озером, которое к началу XX века превратилось в расплзающееся болото, позднее осушенное и отданное под сельскохозяйственные работы. Неподалеку от берега располагался укрепленный островок, известный как Факос (по-гречески «чечевица»), ныне невысокий холмик посреди крестьянского поля. Островок соединял с берегом деревянный мост, а сам Факос служил цитаделью, тюрьмой и местом хранения царской сокровищницы. Река Лудий обеспечи-

вала путь от озера к Термейскому заливу и Эгейскому морю¹⁷. Изначально Пелла была портовым городом.

В обычный день около 2300 лет назад в гавани кипела привычная работа. Звуки молота и пилы, доносящиеся из-под корабельных навесов, груды македонских бревен, сложенные вдоль причалов; рыбаки, выходящие в озеро на плоскодонных лодках, забрасывающие сети для дневного улова и, возможно, кидающие иногда кусочек-другой пеликанам, которые тоже считали Пеллу своим домом. Стаи ибисов с гладкими, блестящими на солнце перьями время от времени поднимались из тростниковых зарослей, мелькая в воздухе радужными крыльями. В многочисленных мастерских мужчины занимались гончарным ремеслом или трудились в кузницах, формируя, изгибая и закаляя металл. Иногда можно было заметить женщин, закутанных в красочные шали. Они выходили из домов с подношениями для святилищ местного бога-целителя Даррона или Афины Алкидемос («Защитницы народа»). Мальчишки играли в бабки в тени навесов, кричали торговцы за рыночными прилавками, мужчины собирались в общественных местах, готовые перекинуться сплетнями или порассуждать о политике, бродячие собаки рылись в смрадных помойках. Вне кокона городских стен, среди могильных курганов и густого леса надгробий с именами и изображениями умерших, члены семей возносили молитвы усопшим и оставляли на могилах дары, чтобы поддерживать близких в загробном мире. А вокруг простирались обширные виноградники и заливные луга, речные заводи и болота, защищающие Пеллу от потенциальных захватчиков. Один римский полководец позже заметил, что этот город неслучайно был выбран в качестве столицы.

Зимой туман мог быстро окутать землю, принося с собой череду сырых и тусклых дней, лишенных утренней зари. В любой момент мог начаться сильный снегопад, и тогда густая пелена окутывала терракотовые крыши и открытые пространства; ледяной ветер, несущийся по долине Аксия, пробирал до костей. Весной возвращались ласточки, знаменуя возрождение жизни, открывался мореходный сезон, и город заполнялся приезжими и товарами из далеких краев. В самые жаркие месяцы налетали полчища насекомых; плотные, как алтарный дым, тучи паразитов мучили лошадей царских конюшен и стада крупного рогатого скота. В такие дни местные жители благословляли прохладу окрестных ручьев и горных рек, не прогревавшихся даже в полуденное пекло, а состоятельные горожане отправлялись в деревенские поместья. В разгар летнего зноя город словно впадал в дремоту.

Стоя на южной границе археологических раскопок, рядом с простирающимися вдаль полями хлопка и пшеницы, разделенными современной автомагистралью, не так-то просто представить себе картину прошлого. Но под пыльной равниной все еще хранится память о богатом прибрежном городе, который Александр некогда называл своим домом, где он родился и вырос и который в 334 году до н. э. покинул, чтобы никогда больше в него не вернуться¹⁸.

Новым центром Македонии Пелла стала к концу V века до н. э.¹⁹ Город Эги, на месте которого находится современная Вергина, располагался к западу от Пеллы и оставался церемо-

¹⁷ Термейский залив (или Термаикос) сегодня чаще называют Салоникским и иногда Македонским. Осушенное в 1930 году озеро к югу от древней Пеллы называлось в новейшее время Яница, а в древности – Лудий, как и вытекавшая из него река. Здесь и далее в большинстве случаев употребляются принятые в русском языке окончания, а не кальки с греческих форм, например Лудий, а не Лудиа, Пелей, а не Пелеос. *Прим. пер.*

¹⁸ Описание древней Пеллы, на котором основан наш рассказ, можно найти: Strabo, *Geography* 7 frag. 20, Pseudo-Scylax, *Periplus* 66, Livy, *History of Rome* 44.46.4–9 (расположение, остров Факос и окружающие земли); Solinus 13, Demosthenes, *On Halonnesus* (7) 16; Plutarch, *Life of Demetrius* 43.3 (македонский флот и кораблестроение); Athenaeus, *The Learned Banqueters* 7.328a (рыба хромис в Пелле); Livy, *History of Rome* 42.51 (Афина Алкидемос); Julius Pollux, *Onomasticon* c15–16 (вино Пеллы); Pliny the Elder, *Natural History* 31.28 (холодные реки).

¹⁹ I. M. Akamati, 'Pella' in R. J. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD* (Leiden and Boston, 2011), p. 394. Перенесение столицы из Эг в Пеллу не упоминается в античных источниках, и ученые спорят о том, произошло это при Архелае или Аминте III. О полемике см.: M. B. Hatzopoulos and L. D. Loukopoulou, *Two Studies in Ancient Macedonian Topography*, Meletemata 3 (Athens, 1987), pp. 42–43; B. Raynor, *Kings, Cities*,

ниальной столицей Македонии, но более выгодная с точки зрения государственного контроля Пелла превратилась во вторую столицу, административный и военный центр. Название города, по всей вероятности, связано с пепельно-серыми шкурами местных стад – даже на городских монетах и официальных глиняных печатях была изображена корова²⁰. Пелла быстро превратилась в величайший город Македонии и за время правления Филиппа значительно увеличилась в размерах²¹.

Перенос центра из Эг в Пеллу обычно приписывают македонскому царю Архелаю (413–399 годы до н. э.), который много сделал для развития инфраструктуры царства²². Одним из его проектов был новый дворец, украшенный Зевксисом, самым знаменитым художником того времени. Великолепие и слава этого строения были таковы, что люди приезжали в Македонию, чтобы увидеть дворец, а не царя²³. Источники не говорят об этом напрямую, но предполагается, что дворец Архелая был построен именно в Пелле и оставался основной царской резиденцией его потомков на протяжении большей части IV века до н. э. Среди них была и семья Филиппа. Дворец считается наиболее вероятным местом рождения и детства Александра.

Однако это строение до сих пор не удалось точно идентифицировать. Возможно, дворец находился недалеко от набережной, где Лудий соединялся с озером рядом с Пеллой. Одного афинского посетителя обвинили в попытке провести тайные переговоры с Филиппом, когда он поднялся по реке на лодке; другие высмеивали царский двор как жилище в илистом потоке²⁴. Другое возможное местоположение находится севернее, где был обнаружен поздний эллинистический дворец, венчавший невысокий холм над городом. В течение многих лет он оставался закрытым для посещения. Вокруг металлических навесов, укрывавших раскопанные здания, росла кустистая трава, над ней порхали бабочки и жужжали другие насекомые; подлесок неторопливо патрулировали черепахи. Недавно эта территория была благоустроена и открыта для посещения. Желающие могут пройти по коридорам бывшего средоточия власти и полюбоваться царственными видами: сверкающими водами Термейского залива вдалеке, горами Вермион и Пиерийским хребтом, зубчатая линия которого прорисовывается на западном горизонте, а дальше, на юг, можно проследить взглядом линию, которая ведет к вершине Олимпа, обители богов.

В эллинистическую эпоху дворец представлял собой комплекс-лабиринт площадью около семи гектаров. Постройки террасами располагались на разных уровнях холма, соединяясь коридорами, залами, воротами, дворами и лестницами. Величественный фасад возвышался над остальным городом, а ярко-белая лепнина и насыщенные цвета стен подчеркивали декоративные архитектурные детали. Крыша была сделана из прочной македонской древесины и выдерживала вес крупных терракотовых черепиц, ныне сложенных штабелями по всему участку, – они покрыты лишайником и выгорают на солнце. Когда клубились и высились в небе грозные тучи, стихия обрушивалась на равнину и лил дождь, вода стекала из мраморных львиных голов, расставленных по всей длине крыши в качестве водостоков. Когда-то монументальный вход тщательно охранялся дворцовой стражей, внутренние здания располагались вокруг центрального двора, а их помещения были предназначены для особых целей: залы для собраний, пиршественные залы, частные покои, двор для прогулок, служебные комнаты. Предпола-

and Elites in Macedonia c. 360–168 BC (Oxford Diss., 2014), pp. 166–169; W. Greenwalt, 'Why Pella' in *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* Bd. 48, H. 2 (1999), pp. 158–183.

²⁰ Об этимологии названия Пеллы см.: M. Lilimpaki-Akamati, I. Akamatis, A. Chrysostomou and P. Chrysostomou, *The Archaeological Museum of Pella* (Athens, 2011), pp. 20–21.

²¹ Xenophon, *Hellenica* 5.2.13 (крупнейший город в Македонии); Strabo, *Geography* 7 frag. 20 (расширение при Филиппе).

²² Thucydides, *Peloponnesian War* 2.100.2–3.

²³ Aelian, *Historical Miscellany* 14.17, Pliny the Elder, *Natural History* 35.63.

²⁴ Aeschines, *On the Embassy* 2.124; Plutarch, *Moralia* 603d.

гается, что центральные постройки дворца (здания I, II, IV и V) могут соответствовать первоначальному плану Архелая, но датировка найденных построек остается неопределенной²⁵.

Столь же непросто проследить начало жизни Александра, его ранние годы. Помимо факта рождения, о нем не упоминается ни в одном из сохранившихся документов. Неудивительно, что самый запоминающийся портрет младенца Александра принадлежит писательнице Мэри Рено. В 1969 году был опубликован ее роман «Небесное пламя», в котором она красочно описывает взросление македонского царевича. Спустя почти пятьдесят лет после издания эта книга все еще способна перенести читателя в прошлое, где юный Александр мужает среди забытых пространств Пеллы. Рено начинает повествование в личных покоях дворца Архелая, когда молчаливый злоумышленник пробуждает четырехлетнего Александра:

Змея кольцами оплела тело ребенка. Стало трудно дышать. На мгновение малыш испугался: в его сон ворвались дурные видения. Но, едва очнувшись, мальчик сразу понял, в чем дело. Он тут же просунул руки под сдавивший его обруч. Тот подался, и тугая лента, стянувшая грудь, напряглась, потом ослабла. Змея скользнула вверх по плечу, к шее, и ребенок почувствовал у самого своего уха трепещущий язык²⁶²⁷.

У Рено Александр – странный и необыкновенный ребенок с молочно-белой кожей, светлыми волосами, слишком мягкими, чтобы держать форму кудрей, и уникальным авантюрным духом. Он отличается от других детей тем, что не боится змей в темноте. Такой художественный образ родился из страстного увлечения Рено Александром. Впервые она попала под его чары в 1920-х годах, когда увидела гипсовый бюст в Музее Эшмола в Оксфорде. Позднее она признавалась своей подруге Касии Эбботт, что это лицо преследовало ее: «Удивительные глаза, завитки волос надо лбом, то, что в свои двадцать лет он уже обладал особой красотой закаленного, выдавшего виды мужчины, загорелой кожей и почти белыми от солнца волосами»²⁸. Открытка с оригинальным бюстом была одной из ее драгоценностей и стояла на видном месте в прибрежном коттедже писательницы недалеко от Кейптауна.

Увы, Рено так и не удалось побывать на родине Александра. Две предыдущие поездки по материковой Греции и островам, предпринятые в 1954 и 1962 годах, были увлекательными, но чересчур утомительными. Ей было за шестьдесят, когда она начала работать над романом «Небесное пламя». Рено не раз говорила о путешествии в Македонию, но так и не осуществила свои планы. Вместо этого она начала собирать археологические отчеты и статьи – все, что могло обогатить историческую ткань романа. Кабинет с видом на атлантический прибой был забит исследовательскими материалами: «За книгой стояла другая книга, а за ней снова были книги», – сообщает один из биографов Мэри Рено²⁹. Она корпела над древними источниками, подробно описывающими жизнь Александра, и собрала небольшую коллекцию сохранившихся свидетельств³⁰. Самые ранние из них, за авторством Диодора Сицилийского,

²⁵ Предлагаемые учеными даты постройки того, что является ядром найденного дворца, относятся к разным десятилетиям IV века до н. э. См., например: P. Chrysostomou, 'The Palace of Pella' in *The Archaeological Museum of Pella*, pp. 58–66 (начало IV века до н. э., вероятно, постройка по плану Архелая); I. Nielsen, *Hellenistic Palaces* (Aarhus, 1999), pp. 84, 88; M. B. Hatzopoulos, 'Macedonian palaces: where king and city meet' in I. Nielsen (ed.), *The Royal Palace Institution in the First Millennium BC. Regional development and cultural interchange between East and West* (Athens, 2001), p. 191 (середина IV века до н. э., правление Филиппа); Raynor, *Kings, Cities, and Elites in Macedonia c. 360–168 BC*, p. 183 (конец IV века до н. э., правление Кассандра).

²⁶ Перевод Е. Чеботаревой. *Прим. ред.*

²⁷ Mary Renault, *Fire from Heaven* (New York, 1969), p. 1. Русский перевод цит. по: Рено М. Небесное пламя. Персидский мальчик. Погребальные игры / пер. Е. Чеботаревой, А. Б. Ковжун, М. Ю. Юрган. – М.: Азбука, 2016.

²⁸ D. Sweetman, *Mary Renault: A Biography* (San Diego, New York and London, 1993), pp. 27, 256.

²⁹ C. Zillboorg, *The Masks of Mary Renault: A Literary Biography* (Columbia and London, 2001), p. 237.

³⁰ Среди этих источников: Book 17 of Diodorus Siculus, *Library of History* (вторая половина I века до н. э.); Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander* – первые две книги утрачены (где-то в I веке н. э.); Plutarch, *Life of Alexander* (начало II века н. э.); Arrian, *Anabasis of Alexander* (первая половина II века н. э.); Books 11–12 of Justin, *Epitome of the Philippic History*

относятся к I веку до н. э., через триста лет после смерти Александра; остальные – из времени римского принципата. Но все они опирались на более ранние работы, и задача историков заключалась в том, чтобы счистить слои риторики и пропаганды и приблизиться к взглядам эпохи Александра.

В частности, два текста касаются его юности. Беллетризованный роман об Александре, приписываемый анонимному автору, известному как Псевдо-Каллисфен, предлагает фантастическую версию, в которой Александр является сыном последнего египетского фараона и колдуна Нектанеба II. Спасаясь от персидского вторжения, Нектанеб покидает Египет и поселяется в Пелле, где ему удается соблазнить царицу, супругу Филиппа Олимпиаду, выдавая себя за ливийского бога Аммона. Александр рождается под раскаты грома и всполохи молний, потрясаящие мир. Позже Александр убивает Нектанеба, который перед смертью сообщает, что он его настоящий отец. Убитого хоронят в Македонии, и это позволяет автору задуматься о замечательном доказательстве божественного провидения: египтянина хоронят в греческой могиле, а Александра погребают в египетской. Царевич приручает коня-людоеда и побеждает на Олимпийских играх, прежде чем стать царем. Несмотря на сомнительные исторические детали, «Роман об Александре» сохраняет уникальные сведения о юности героя и потому представляет некоторую ценность. Однако основу для реальной реконструкции дает другой источник.

«Жизнеописание Александра Македонского» Плутарха является частью серии «Параллельных жизнеописаний» – двойных биографий известных греческих и римских деятелей, созданных в конце I и начале II веков н. э. «Жизнеописание Александра» поставлено в параллель с жизнеописанием Юлия Цезаря, и автор использует ряд утраченных ныне источников, касающихся воспитания македонского царя³¹. Плутарха интересовали не столько военные достижения Александра, сколько те эпизоды, которые проявляли его характер. В предисловии он напоминает читателю, что описывает жизни людей, а не мировую историю³². Такой подход отвечал интересам Мэри Рено, и она во многом полагалась на рассказы Плутарха, находя в них немало любопытного. Своими чувствами Рено поделилась с давним корреспондентом в Америке Джейм Уильямсом: «Они [историки] снова и снова говорят, насколько он [Александр] был загадочным, сложным и противоречивым; и все же то небольшое, что Плутарх может рассказать о его юности, чрезвычайно важно само по себе и особенно если кто-то задастся целью сопоставить это с современными данными... Возможно, я дала неправильные ответы, но я никогда не читала ничего интереснее»³³.

К концу 1960-х годов Рено написала четыре других исторических романа³⁴. Она умело погружает читателя в обстановку странного и чуждого нам Древнего мира. Тщательность ее изысканий заставляла многих поверить в то, что она обладала едва ли не сверхъестественной

of Pompeius Trogus (ок. 200 года н. э.) и Pseudo-Callisthenes, *Alexander Romance* (III век н. э.). Важным источником также служит Plutarch 'On the Fortune or Virtue of Alexander I and II' и 'Sayings of Kings and Commanders', найденные в его *Moralia*; books 15–17 of Strabo, *Geography*; Polyaeus, *Stratagems of War* (II век н. э.), анонимное сочинение IV века н. э. *Alexander Itinerary*, and *Epitome of the Deeds of Alexander the Great* и *On the Death and Testament of Alexander* из так называемой Metz Epitome (IV–V века н. э.). О собрании фрагментов утраченных исторических сочинений эпохи Александра, на которых базируются более поздние труды, в переводе на английский: С. А. Robinson, *The History of Alexander the Great: A Translation of the Extant Fragments Vol. I* (Chicago, 1953).

³¹ Онесикрит, морской офицер флота Александра, и Марсий из Пеллы, друг детства Александра, написали сочинения о юности царя и его воспитании: Diogenes Laertius, *Lives of Eminent Philosophers* 6.84 (Onesikritos' *The Education of Alexander*), Suda, s. v. *Marsyas* (Marsyas' *On the Training of Alexander*). Подробнее об этих сочинениях см.: T. S. Brown, *Onesicritus: A Study in Hellenistic Historiography* (Berkeley, 1947); W. Heckel, *Marsyas of Pella, Historian of Macedon in Hermes* 108 (1980), pp. 444–462.

³² Plutarch, *Life of Alexander* 1.2.

³³ Sweetman, *Mary Renault*, p. 258.

³⁴ Еще до романа «Небесное пламя» (Fire from Heaven) Рено написала «Последние капли вина» (The Last of the Wine, New York, 1956), «Царь должен умереть» (The King Must Die, New York, 1958), «Бык, выходящий из моря» (The Bull from the Sea, New York, 1962) и «Маска Аполлона» (The Mask of Apollo, New York, 1966). Все эти книги переведены на русский.

способностью заглянуть в далекое прошлое. Роман «Небесное пламя» оказался особенно важным по многим причинам. Это не только захватывающее повествование, но и переосмысление ранних лет жизни Александра. Рено заставляет читателя задуматься о реалиях того времени, а также о факторах, сформировавших личность выдающегося человека. Основное влияние, по мнению Рено, на Александра оказывали его отношения с родителями, Филиппом и Олимпиадой. Писательница представляет их в предельно драматической манере.

Посчитав змею одним из питомцев матери, Александр крадется из детской, оставив спящую младшую сестру и няню. Он идет по темным дворцовым коридорам, мимо стражи и поднимается по лестнице в комнату матери. Там они лежат вдвоем на царской кровати, прижавшись друг к другу. Александр спрашивает ее, кого она любит больше всего. Он показывает ей змею, но она ее не узнает. Олимпиада говорит, что это *даймон* Александра, то есть посредник между богами и людьми, который может помочь определить судьбу человека. Он называет ее Тюхе, или Фортуна.

Идиллическую сцену внезапно нарушает приход пьяного Филиппа. Дверь распахивается. Даже не глядя на кровать, царь начинает раздеваться, собираясь взять то, что принадлежит ему по праву супружества. Александр прячется под одеялом, его серо-голубые глаза расширяются от ужаса. Через щель он наблюдает за отцом – обнаженным и возбужденным, покрытым шрамами, со слепым глазом, выбитым стрелой. Олимпиада протестует против вторжения, и они обмениваются оскорблениями. «Ты молосская сука», – говорит он. «Ты бурдюк с вином», – возражает она. Филипп бросается на нее, как мифический циклоп Полифем на добычу, но в ужасе обнаруживает, что рядом с Олимпиадой лежит ее любимая змея Главк. «Как ты смеешь, – кричит он, – приносить эту нечисть в мою постель, когда я запретил тебе это делать? Колдунья, варварская ведьма...» Затем его единственный здоровый глаз останавливается на ребенке. Отец и сын обмениваются стальными взглядами. Он замечает змею-*даймона* Александра, все еще обвивающую его талию. «Что это на мальчике?.. Ты чему *его* учишь? Ты превращаешь *его* в бродягу, танцующего со змеями и выкликающего предсказания?»

Разгорается жаркий спор об их происхождении и опыте, каждый пытается умалить претензии другого на греческое происхождение. Филипп хочет ударить жену, но маленький Александр вскакивает, вставая на защиту матери. «Уходи! Она тебя ненавидит! – кричит он, тыча крошечными кулачками в протянутую руку Филиппа. – Уходи! Она выйдет замуж за меня!» В конце концов отец вышвыривает его из комнаты, как тряпичную куклу, которую отбрасывают ссорящиеся дети.

Всего на нескольких страницах Рено описывает одну из самых странных семейных историй: неблагополучные отношения отца, матери и сына, столь же бурные, как зимнее море. Не всё из этого вымысел, древние источники свидетельствуют о трудностях в отношениях членов царской семьи, хотя связывают их с более поздним временем, когда Александр достиг совершеннолетия. Жизнь Филиппа и Олимпиады долгое время оставалась в тени фигуры их знаменитого сына, но нет никаких сомнений, что они были выдающимися личностями и их влияние на Александра не ограничивалось генами, которые они ему передали. Оба родителя оставили неизгладимый след в его характере и жизни. Любой рассказ о юном Александре должен начинаться с его матери и отца.

МИСТЕРИИ

В древности остров Самофракия (современный Самотраки или Матраки) славился тремя вещами: отличным луком, плоскорогими козлами и мистериями Великих богов – странным религиозным культом, доступ к которому открывался только через тайную церемонию посвя-

щения³⁵. Строго запрещалось разглашать любую информацию об этих таинствах, а потому известно о них немного. Загадочными остаются даже сами «Великие боги». Один эллинистический ученый отмечает, что их было четыре: Аксиерос, Аксиокерса, Аксиокерсос и Кадмилос, хтонические божества, вероятно связанные с подземным миром, с которыми они отождествляются наподобие Деметры, Персефоны, Аида и Гермеса³⁶. Центральная роль в культе отводилась Великой Матери, богине плодородия, которую изображали на местных монетах. На материке этих богов называли Кабирами, но в самофракийских надписях они упоминаются только как «боги» или «Великие боги» (*Megaloi Theoi*). Вполне возможно, что отчасти именно анонимность привлекала к ним людей. Известно, что им приписывали способность предотвращать кораблекрушения и даровать посвященным особое благочестие и праведность, благодаря чему люди становились лучше во всех отношениях³⁷. В древности эти божества глубоко почитались, и, несмотря на удаленность острова, мистерии привлекали многих известных личностей того времени, включая Ясона и аргонавтов, странствующего Одиссея, историка Геродота и, в середине IV века до н. э., – родителей Александра Македонского. Согласно Плутарху, именно здесь впервые встретились Филипп и Олимпиада.

Это событие произошло, вероятно, в 357 году до н. э. Филиппу, сыну Аминты III, было тогда немногим больше двадцати лет, и он правил около трех лет. Его брат, бывший царь Пердикка III, погиб в битве против иллирийцев вместе с четырьмя с лишним тысячами своих людей. Он оставил сына, которого тоже звали Аминта, но он был слишком мал, чтобы взойти на трон. Эта ситуация до сих пор вызывает споры среди ученых, вполне вероятно, что Филипп сначала стал опекуном Аминты и нового царя официально не провозглашали³⁸. Македонии со всех сторон окружали соперники и враги, царство находилось на грани гибели, но Филиппу удалось исправить положение. Решительность, дипломатия и хитрость помогли ему не упустить драгоценное время, укрепить свои позиции и воссоздать армию. В детстве он был заложником в Иллирии и Фивах – доминирующем городе-государстве Греции того периода, – что позволило ему ближе узнать обычаи греков и варваров, а также реформировать свои войска. Уже через год он был готов идти в наступление. Победив пеонийцев на севере (в современной Северной Македонии) и заручившись их поддержкой, он повел армию нового образца на запад, на иллирийцев. Из суровой битвы со старым воякой царем Бардилом (или Бардилеом) Филипп вышел победителем. Иллирийская угроза была на время устранена, что несло с собой значительные перемены в распределении власти в регионе³⁹. Впоследствии Филиппу удалось объединить под своим протекторатом остававшиеся прежде независимыми кантоны Верхней Македонии, благодаря чему он фактически удвоил размер своего царства. В Фессалии Филипп восстановил добрые отношения с городом Ларисой, урегулировав его спор с соседями – тиранами города Феры, – а затем обратил взор на восток.

Ключевой порт Амфиполис, расположенный на реке Стримон недалеко от восточных границ Македонии, был основан афинянами, но объявил о своей независимости во время

³⁵ О древних упоминаниях славы Самофракии см.: N. Lewis, *Samothrace Vol. 1: The Ancient Literary Sources* (New York, 1958).

³⁶ Lewis, *Samothrace Vol. 1*, p. 70.

³⁷ Diodorus Siculus, *Library of History* 5.49.6.

³⁸ По свидетельству Юстина в *Epitome to the Philippic History of Pompeius Trogus* 7.5.9–10, Филипп сначала был назначен регентом при племяннике и только затем провозглашен царем. Видимо, это ближе к реальности, чем версия Диодора Сицилийского в *Library of History* 16.2.4–5, что он стал царем сразу после гибели Пердикки. См.: K. Buraselis, 'Royal Epitropeia: Remarks on Kingship and Guardianship in Macedonia and the Hellenistic Kingdoms' in U. Yiftach and M. Farguna (eds), *Legal Documents in Ancient Societies VI. Ancient Guardianship: Legal incapacities in the Ancient World* (Trieste, 2017), pp. 59–74.

³⁹ Diodorus Siculus, *Library of History* 16.4.1–7. Подробнее об этой битве см.: N. G. L. Hammond, 'The Battle between Philip and Bardylis' in *Antichthon*, Vol. 23 (1989), pp. 1–9; K. Mortensen, 'The Career of Bardylis' in *Ancient World* 22.1 (1991), pp. 49–59; M. B. Hatzopoulos, 'Les limites de l'expansion Macédonienne en Illyrie sous Philippe II' in P. Cabanes, *L'Illyrie méridionale et l'Épire dans l'Antiquité* (1987), pp. 81–94.

Пелопоннесской войны. Афиняне, обладавшие целой плеядой портов на побережье Македонии, отчаянно пытались вернуть город под свое управление. Филипп дал понять, что поможет им в этом. Последовала длительная осада, но когда Амфиполис пал, македонский царь решил оставить порт себе.

За короткий срок Филипп подтвердил свое право на господство, и вполне вероятно, что примерно в то же время, то есть в конце 357 или начале 356 года до н. э., македоняне провозгласили его царем. Отныне его будущие сыновья при благоприятных обстоятельствах могли претендовать на престол. В то время распространялись древние пророчества о том, что Македония достигнет больших успехов при одном из сыновей Аминты III, и было мнение, что речь именно о победах Филиппа⁴⁰. Вероятно, после великой победы над Амфиполисом Филипп отправился на остров Самофракия, находившийся в одном дне плавания от города-порта. Там он встретил юную царевну из царства Молоссия в Эпире, на северо-западе Греции. Ее звали Поликсена, а также Миртала (Миртла), но позже она стала известна как Олимпиада⁴¹.

Сегодня между материковым Александрополем и Самофракией курсируют надежные паромы, которые перевозят на остров туристов, а не паломников. Над чернильно-синими просторами моря Самофракия вздымает гористую главу, медленно сбрасывая полог тумана и обретая ясные очертания. По мере того как паром продвигается на запад, к главному порту, показывается острая вершина горы Саос, серой и грозной, как глаза Афины, часто окутанная облаками. Она кажется зловещей. Лоренс Даррелл, написавший книгу о путешествиях по греческим островам, так и не добрался до Самофракии, но записал свои впечатления от моря: «Оно мрачное, варварское; мне оно ничуть не понравилось; я чувствовал, как каннибалы готовят котлы». Он предпочел остаться на борту корабля⁴².

Поначалу остров выглядит негостеприимным, пустынным куском скалы посреди покрытого рябью волн Эгейского моря, но затем открывается иной пейзаж, простирающийся на север и запад: покрытые сухой травой пастбища и возделанные поля. Рощи олив, каштанов, платанов и дубов добавляют приятные глазу штрихи яркой зелени, сгущаясь вокруг подножия горы и рассеиваясь вверх по склонам, на которых гнездятся стайки белых домов, похожих на рассыпавшиеся морские ракушки. Известно, что местная почва обладает магнитными свойствами; те, у кого кровь богата железом, могут физически, на уровне тела ощутить притяжение Самофракии.

Прибытие каждого парома вдыхает новую жизнь в портовый городок Камариотисса. Начинается разгрузка товаров, оживают кафе, один поток посетителей сменяется другим, множество цикад оглушительным стрекотом приветствует всех прибывших. Среди туристов много подростков. Летом они колонизируют северные кемпинги острова, проводя праздничные месяцы в беззаботном чаду вечеринок у костра и купаний в сумерках – таков современный обряд посвящения молодых греков. Самофракия с ее густыми лесами, живописными водопадами и длинными галечными пляжами ярко выделяется в пестром узоре греческих островов.

⁴⁰ Justin, *Epitome* 7.6.1–2.

⁴¹ Plutarch, *Moralia* 402b.

⁴² L. Durrell, *The Greek Islands* (London, 1978), p. 216.

Самофракия. Фотография автора

Святынище Великих богов находится примерно в шести километрах к востоку от порта. Оно притаилось в расщелине горы. Близлежащий древний город Самофракия, ныне известный как Палеополис (Старый город), служил воротами к святынищу. На открытом склоне горы Соас на площади в пятьдесят акров хватало места и для домов, и для магазинов, и для общественных центров. Здесь паломники отдыхали и готовились к волнующим таинствам, которые проходили ночью; полог тьмы только усиливал ощущение загадочности, непостижимости происходящего. Возможно, что группы македонян и молоссов встретились на ежегодном празднике, который, как считается, проводился летом, хотя церемония устраивалась в любое время года, отчасти из-за труднодоступности острова.

От древнего города мало что сохранилось, за исключением впечатляющих стен, высота которых в некоторых местах превышала шесть футов⁴³. По всей длине есть остатки башен и ворот, местные козы часто используют их в качестве удобных возвышений, с которых можно следить за посетителями. Одна часть оборонительных сооружений тянется в гору к вершине Фенгари – Лунному пику, с которого, согласно рассказу Гомера, бог Посейдон однажды наблюдал за сражением Троянской войны. Время от времени с этой вершины обрушиваются столь мощные порывы ветра, что деревья принимают странные скрученные формы, подчеркивая необузданный, неукротимый нрав острова. Шторм здесь может возникнуть из ниоткуда; в прошлом те, кого он заставлял в море, молили Великих богов о спасении. Воздев руки к небу на палубах своих кораблей, они сулили дары и жертвы в благодарность за шанс пережить это испытание. Святынище было усеяно такими подношениями, хотя один циник лукаво заметил, что «их было бы гораздо больше, если бы дары приносили те, кто не сумел спастись»⁴⁴.

Когда в IV веке н. э. христианство стало официальной религией Римской империи, культ Великих богов пришел в упадок и в конце концов исчез. Святынище было заброшено и стало разрушаться. В истории оно вновь появится лишь в 1444 году, когда на остров при-

---

⁴³ Примерно 1,83 метра. *Прим. пер.*

⁴⁴ Diogenes Laertius, *Lives of Eminent Philosophers* 6.59 (trans. R. D. Hicks, Loeb 185).

будет Кириак из Анконы, итальянский купец и выдающийся путешественник. Он входил в круг гуманистов эпохи Возрождения и избрал своей миссией поиск благородных памятников Античности, их описание и по возможности сохранение. Когда его однажды спросили, зачем он этим занимается, он ответил: «Чтобы пробудить мертвых»⁴⁵. Кириак знал о связи острова с предысторией Александра и решил исследовать то, что еще оставалось от древней славы этого места. В дневнике он описал встречи с далекой эпохой, включая городские стены и обширные руины храма, который, как он считал, был посвящен Нептуну (Посейдону), а также «фрагменты огромных колонн, архитравов, оснований статуй и дверных проемов, украшенных гирляндами из черепов крупного рогатого скота (*букрания*) и другими очень красиво и искусно высеченными фигурами», одну из которых он принял за Аристотеля⁴⁶. Кириак провел октябрьский день с губернатором острова, документируя некоторые ключевые открытия, делая наброски и расшифровывая надписи. В этом он был пионером новой дисциплины – археологии. С тех пор по его стопам шли многие пытливые умы. Греки, австрийцы, немцы, французы, чехи и совсем недавно американцы внесли свой вклад в изучение остатков святилища⁴⁷. Их труды позволили реконструировать элементы обрядов посвящения и в новом свете представить легендарную встречу Филиппа и Олимпиады.

Будущие посвященные и старейшины культа собирались у западных ворот города перед закатом. Вместе они смотрели на багрово-алое небо над ущельем, в котором скрывалось святилище, на бледное лицо госпожи Луны, восходившее над их головами и неспешно двигавшееся к горной вершине, названной в ее честь. Землю постепенно заливало призрачное серебристое сияние. Наконец следовал знак. Вереница факелов и мерцающих масляных ламп цепочкой тянулась через узкие ворота, мимо россыпи оливковых деревьев, вниз к горному ручью, который обозначал границу между священным и мирским: ледяная вода очищала всех желающих проникнуть во владения Великих богов. Не всем разрешали переступить эту черту. Сначала совершалось священное возгласие, которое определяло, кто готов участвовать в мистерии. Нечистые туда не допускались⁴⁸. Во время отбора пришедших для посвящения могли спросить о худшем поступке в их жизни⁴⁹. Филипп был типичным представителем царского семейства Македонии, у него, безусловно, были свои мрачные секреты. Возможно, он уклонился от неловкого вопроса, ответив в той же манере, что и спартанец Анталкид: «Если мною и было совершено подобное деяние, то боги об этом знают»⁵⁰.

Оказавшись внутри, посвященные спускались к восточному холму, а культовые постройки оставались ниже, скрытыми от взора. Первой из мрака возникала таинственная блюдцеобразная структура – так называемый театральный круг. Лунный свет озарял мощные ступени, на которых посвященные должны были занять места – но не сидя, а стоя. Подсчитано, что в этом кругу могло разместиться около трехсот человек, но чаще приходили

⁴⁵ M. Belozerskaya, *To Wake the Dead* (New York and London, 2009), p. 42.

⁴⁶ E. D. Bodnar and C. Foss, 'Diary II cont. 13' in *Cyriac of Ancona: Later Travels* (Harvard and London, 2003), p. 101. См. также: P. W. Lehmann, 'Cyriacus of Ancona's Visit to Samothrace' in *Samothracian Reflections* (Princeton, 1973), pp. 3–56. О статуе, которую Кириак принял за изображение Аристотеля, см.: K. Lehmann-Hartleben, 'Cyriacus of Ancona, Aristotle, and Teiresias in Samothrace' in *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Vol. 12, No. 2 (1943), pp. 115–34.

⁴⁷ Отчет об археологических работах американских ученых см.: самофракийская серия, опубликованная Нью-Йоркским институтом изящных искусств. Общие сведения об археологических исследованиях см.: K. Lehmann, *Samothrace: A Guide to the Excavations and Museum* (New York, 1998); D. Matsas and A. Bakirtzis, *Samothrace: A Short Cultural Guide* (Athens, 2001); N. McGilchrist, *McGilchrist's Greek Islands 12. Lemnos with Aghios Efstratios and Samothrace* (London, 2010).

⁴⁸ Livy, *History of Rome* 45.5.1–15. См.: B. Wescoat, 'The pilgrim's passage into the sanctuary of the Great Gods, Samothrace' in T. M. Kristensen and W. Friese (eds), *Excavating Pilgrimage: Archaeological Approaches to Sacred Travel and Movements in the Ancient World* (London, 2017), p. 76.

⁴⁹ Plutarch, *Moralia* 229d, 217c – d.

⁵⁰ Plutarch, *Moralia* 217c – d (trans. F. Cole Babbitt, Loeb 245). В других версиях этой истории Плутарх приписывает те же слова спартанскому военачальнику Лисандру (*Moralia* 229d) и неизвестному спартанцу (*Moralia* 236d).

гораздо меньшие группы⁵¹. Совместно пережитый опыт посвящения объединял их – незнакомцы из отдаленных стран становились сообществом. Вероятно, именно этот круг служил местом для священных наставлений перед самой мистерией, здесь каждый получал специальную чашу для возлияний – вино, которое надлежало вылить на многочисленные каменные алтари и в ритуальные ямы, считавшиеся порталами в подземный мир. Здесь же, возможно, проводился ритуал возведения на престол (*троносис*), участники которого садились на специальный стул, а вокруг них скакали устрашающие танцоры-воины с мечами и копьями, издававшие боевой клич, ударявшие в тарелки и барабаны, чтобы напугать и дезориентировать неофитов⁵². Один из самых известных самофракийских мифов рассказывает о встрече и бракосочетании финикийского героя Кадма с Гармонией, произошедших на этом острове. «Даже сейчас в Самофракию отправляются на поиски ее [Гармонии] на праздниках», – отмечает один древний автор⁵³. Участники церемонии могли участвовать в священной игре в прятки, воспроизводя таким образом историю о мифическом союзе.

Священный путь вел из театрального круга вниз, в лоно святилища. Опасный спуск призван был расpalить предвкушение. Само святилище представляет собой укромное место, особенно в ночное время: оно было окружено крутыми склонами долины и рассечено горным потоком. Повсюду виднелись силуэты древних зданий, своеобразная мозаика разных эпох; их изломанные формы, вероятно, возникали из сумрака, словно чудища. Кропотливая работа археологов помогла восстановить и датировать большинство этих руин. В середине IV века до н. э. культовых сооружений было немного. Самыми важными, по всей видимости, были прямоугольный зал или помещение, занимавшее центр долины, под которым обнаружили самые ранние следы ритуальной деятельности: слой пепла, глиняной посуды и обожженных костей, датируемый VII веком до н. э.⁵⁴ Судя по расположению, это был конечный пункт на пути посвящения.

Плутарх уподобляет путь посвященных полету души в момент смерти: «Вначале есть блуждание и скитание, утомление от бега туда-сюда и беспокойные странствия во мраке, не достигающие цели, а затем, непосредственно перед окончанием, всевозможные ужас, озноб и дрожь, истечение пота и изумление». Войдя в зал посвящения, они сталкивались с необыкновенным светом, в котором как бы воссоединялись Кадм и Гармония. Плутарх продолжает: «Там были голоса, пляски и торжественное величие священных и святых видений»⁵⁵. Откровение древних мистерий обычно включало в себя «то, что делается, то, что показывается, и то, что говорится», посредством чего посвященные проникали в тайны культа и видели священные предметы⁵⁶. Магнитная геология острова наверняка играла свою роль в заключительных ритуалах церемонии. Римский писатель Лукреций утверждал, что наблюдал «самофракийскую железную пляску, когда железные опилки сходят с ума в бронзовой чаше, стоит подложить под нее магнитный камень: так железо стремится вырваться из камня»⁵⁷. В глазах суеверных зрителей это было доказательством силы Великих богов, и этот трюк, вероятно, не раз демонстрировали неофитам. Можно лишь догадываться, насколько всем этим проникались посвя-

⁵¹ B. Wescoat, *Samothrace Vol. 9: The Monuments of the Eastern Hill* (Princeton, NJ and Athens, 2017), p. 75.

⁵² Strabo, *Geography* 10.3.7, Plato, *Euthydemus* 277d – e (троносис).

⁵³ См.: Lewis, *Samothrace Vol. 1: The Ancient Literary Sources*, pp. 35–36 (Ephorus frag. 120: Scholia to Euripides, *Phoenician Women* 7).

⁵⁴ P. Williams Lehmann and D. Spittle, *Samothrace Vol. 5: The Temenos* (Princeton, 1982), pp. 267–269.

⁵⁵ Plutarch, *Moralia* frag. 178 (*On the Soul*) (from Stobaeus, *Anthology* 4.52.49) (trans. F. H. Sandbach, Loeb 429).

⁵⁶ G. E. Mylonas, *Eleusis and the Eleusinian Mysteries* (Princeton, 1961), pp. 261–274. См.: H. Bowden, *Mystery Cults in the Ancient World* (London, 2010), p. 38.

⁵⁷ Lucretius, *Nature of Things* 6.1044–7 (trans. W. H. D. Rouse and M. F. Smith, Loeb 181).

щенные. Во время церемонии жрецы употребляли много архаичных слов, которые большинству участников, наверное, казались тарабарщиной⁵⁸.

Каждому новому посвященному вручали пурпурный пояс и железный перстень – талисманы, олицетворявшие его новый статус. За этим непременно следовали празднества, атмосфера головокружительной святости уступала место музыке и танцам, топающие ноги поднимали облака пыли, в свете факелов тела двигались под звон и рокот тарелок, барабанов и мелодию флейт. Потом на западном холме устраивали пир. После предшествующих дней поста и воздержания рекой лилось вино, звучали песни и смех, а сексуальная энергия смешивалась с мистикой сакральной ночи. Следы самых ранних банкетных залов найдены вдоль берегов горного ручья: они располагались под платанами и служили прибежищем летучих мышей. В этом контексте уместно обратиться к истории первой встречи Филиппа и Олимпиады, о которой рассказывает Плутарх: «Нам говорят, что Филипп, будучи посвященным в самофракийские мистерии одновременно с Олимпиадой, сам был еще юношей, а она была дитя-сирота, и он влюбился в нее и тотчас же обручился с ней с согласия ее брата Аримбы [= Ариббы]»⁵⁹.

В достоверности этой истории сомневались многие: «островной роман» казался слишком надуманным, чтобы быть правдой. Конечно, есть некоторые элементы, вызывающие подозрение: указанный Плутархом возраст сомнителен, а его вводная фаза, «нам говорят», не позволяет тщательно изучить первоисточник, на который он опирался⁶⁰. Драматическая любовь с первого взгляда может быть преувеличением, но есть основания верить в правдивость самого факта встречи на Самофракии в период мистерий. Филипп, как и Александр, интересовался знаменитыми святилищами и посещал их, когда находился неподалеку. Подражание героям прошлого, тоже посвященным в культ, могло стать для него решающим аргументом. Кабиров, или Великих богов, широко почитали во Фракии и на севере Эгейского моря. Для Филиппа это был шанс заявить о своем благочестии в регионе, где он проявлял все большую военную и политическую активность. Более того, Македония оставалась крупным экспортером корабельной древесины. Правитель, преданный богам, которые обещают спасение на море, выглядел привлекательно.

Встреча, очевидно, была организована заранее, хотя неизвестно, кто ее подготовил. Молоссы преодолели большее расстояние, поскольку их родина осталась в Эпире, гористой местности к западу от Македонии. В недавнем прошлом они также пострадали от иллирийской агрессии. Вторжение Бардила вынудило многих жителей бежать в соседнюю Этолию, и только с помощью партизанской тактики им удалось спасти свое царство⁶¹. Некоторые кантоны Верхней Македонии были на стороне молоссов, и политика объединения Филиппа могла повлиять на их решение искать новый союз. Царь Арибба – дядя и сводный брат Олимпиады – вероятно, отправился на Самофракию в надежде на стабильное будущее. Филиппу это давало шанс обезопасить свою западную границу.

⁵⁸ Diodorus Siculus, *Library of History* 5.47.3–4.

⁵⁹ Plutarch, *Life of Alexander* 2.1–2 (trans. B. Perrin, Loeb 99). Более поздняя версия этой истории: Himerius, *Orations* 9.12 (ed. Colonna) = Photius no. 243, in Lewis, *Samothrace Vol. 1: The Ancient Literary Sources*, p. 89. О браке также говорит Юстин: *Epitome* 7.6.101–2. Обсуждение темы в научной литературе см.: J. R. Hamilton, *Plutarch Alexander: A Commentary* (Oxford, 1969), pp. 2–3; W. Greenwalt, 'Philip and Olympias on Samothrace: A clue to Macedonian Politics during the 360s' in T. Howe and J. Reames (eds), *Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honour of Eugene N. Borza* (US, 2009); pp. 79–106; E. D. Carney, *Olympias: Mother of Alexander the Great* (New York and London, 2006), pp. 12–15.

⁶⁰ То, что Плутарх называет Филиппа «юношей» – *мейракион*, – термином, который означает, что ему не могло быть больше 21 года, а Олимпиаду именуется «дитя» – *паис*, – указывает, что встреча могла состояться не позже 357 года до н. э. Позднейший источник (Донат в *Terenti 'Phormionem'* 49. (1.1.15) = Lewis, *Samothrace Vol. 1: The Ancient Literary Sources*, p. 96) упоминает, что посвящение в самофракийские мистерии служило обрядом инициации для мальчиков определенного возраста, как это было и в Фивах, где раскопки местного святилища Кабиров подтвердили существование жертвенных подношений, совершавшихся местными мальчиками. Возможно, эта аналогия привела к путанице с возрастом Филиппа в момент посвящения. Дата 357 год до н. э., скорее, относится к путешествиям Филиппа и его matrimonial политике.

⁶¹ Frontinus, *Stratagems* 2.5.19.

Олимпиаде, вероятно, было лет 14–16 – в ту эпоху подходящий возраст для замужества. Она принадлежала к правящему роду Эакидов – потомков Эака, отца Пелея и деда Ахилла. Ее мать, возможно, была из хаонийцев, еще одного эпирского народа, возводящего свою родословную к царям Трои⁶². Ее корни подчеркнута гомеровские. Неоптолем, отец Олимпиады, какое-то время управлял царством совместно с Ариббой, но около 360 года до н. э. скончался, и Олимпиада, ее брат и сестра – Александр и Троада – попали под опеку Ариббы. Он женился на Троаде и теперь стремился использовать Олимпиаду для укрепления и расширения своей власти, однако прочный союз с Македонией зависел от ее способности родить наследников. О чувствах Олимпиады ничего не известно. Брак часто был травмирующим опытом для молодых девушек, вырванных из родной семьи и отправленных в чужой дом, где им предстояло провести всю жизнь. Но это давало Олимпиаде шанс выйти из тени Ариббы и представлять интересы молоссов в новом обществе, сила и влияние которого неуклонно росли. Филипп был молод и красив, и, возможно, между ними возникло взаимное влечение. Помолвка состоялась, и они должны были пожениться уже в Македонии. Новый Кадам обрел Гармонию.

По окончании праздника паломники покидали святилище, оставляя ритуальные сосуды у театрального круга, и возвращались в свои земли. Филипп обрел не только будущую жену, но и прочную связь с Самофракией. Археологи обнаружили, что в середине IV века до н. э. (около 340 года) в центре святилища было возведено грандиозное сооружение с двумя глубокими камерами и портиком с ионическими колоннами, включающее в себя часть более древнего культового здания. Его называли Залом вереницы танцоров в честь замысловатого фриза, который когда-то опоясывал верхнюю часть фасада. Восстановленные фрагменты представляют ряд танцующих девушек, а архаичный стиль композиции напоминает о древних обрядах и практиках, которые обеспечили культу долговечность. Здание было первым полностью мраморным сооружением в святилище и имеет все признаки архитектуры македонского стиля. Филиппа можно назвать очевидным спонсором, хотя Александр позже критиковал отца за повторное посещение Самофракии в то время, когда тот должен был заниматься другими делами⁶³. Финансирование Филиппом строительства вызвало цепную реакцию: его примеру последовали позднейшие эллинистические цари, а затем и римляне. В долине появилось множество мраморных творений и обетных даров, в том числе знаменитая статуя Ники Самофракийской (богини победы). Скорее всего, она была подарком какого-то неизвестного нам победителя или того, кто считал, что удачно воспользовался силой Великих богов на море. Ныне безголовая крылатая богиня находится в Лувре. Облаченная в прозрачные одежды и стоящая некогда на носу военного корабля, она смотрела на театральный круг святилища. Шедевр стал визитной карточкой Самофракии, и в любом магазинчике на острове можно наткнуться на одну из его миниатюрных копий на перегруженных сувенирами полках. Это святилище превратилось в одно из самых прославленных, его мистерии уступали только Элевсинским, проводившимся близ Афин. Для Филиппа святилище стало сценой, на которой он мог демонстрировать свою растущую силу, началом диалога между молодым и амбициозным македонским лидером и внешним миром.

Филипп и Олимпиада поженились в одном из царских центров Македонии, возможно, на празднике в честь Зевса осенью 357 года до н. э., в традиционное для свадеб время. Поселившись в новом доме в Пелле, Олимпиада быстро забеременела. Пока зрел плод, Филипп не прекращал активную деятельность: самофракийское паломничество и последующие празднества были лишь коротким перерывом в политике расширения царства. Он продолжал претендо-

⁶² Justin, *Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus* 17.3.6 and Theopompus, frag. 355. См.: Carney, *Olympias: Mother of Alexander the Great*, pp. 5–6.

⁶³ Quintus Curtius, *History of Alexander* 8.1.26.

вать на портовый город Пидна в Термейском заливе, отобрав его у афинян, а затем заключил договор с могущественным Халкидским союзом, центром которого был полуостров Халкидики с тремя длинными, выступающими в Эгейское море мысами, расположенный неподалеку от юго-восточных границ Македонии. Этот союз возглавлял халкидский город Олинф⁶⁴. По условиям соглашения Филипп помог союзникам захватить Потидею, еще один укрепленный порт афинян на севере, который помогал им контролировать западную часть Халкидики. Летом 356 года до н. э., в тот самый день, когда он взял город, в лагерь Филиппа одновременно прибыли три послания. В первом сообщалось, что его полководец Пармений победил иллирийцев в очередном сражении на севере; во втором – что царский скакун выиграл на Олимпийских играх; в третьем говорилось о рождении сына Александра. Предсказатели провозгласили непобедимым младенца, чье рождение совпало с тремя победами (при Потидее, в Иллирии и на Олимпийских играх). У Филиппа, несомненно, выдался хороший год, и он молился о небольшой неудаче, чтобы уравновесить полосу везения⁶⁵. Однако для жителей Азии предзнаменования были не столь благоприятными. Говорят, в тот день ужасный пожар поглотил храм Артемиды в Эфесе – одно из семи чудес света Древнего мира. Гегесий Магнесийский утверждал, что такого происшествия следовало ожидать, поскольку богиня пребывала в Македонии, наблюдая за рождением будущего завоевателя. Местные маги сочли это предзнаменованием грядущего масштабного опустошения.

ПРОБЛЕМЫ НАРАСТАЮТ

Александр родился в шестой день македонского месяца лоос, примерно 20 июля 356 года до н. э.⁶⁶ Современники верили, что три богини судьбы мойры посещали младенца вскоре после рождения, чтобы определить его земную судьбу к добру или к худу. Этнологи и антиквары, побывавшие в Македонии в начале XX века, описывали ритуалы, которые явно могли перекликаться с обычаями и ритуалами древности⁶⁷. В полночь на третий день после рождения ребенка богини спустились с Олимпа, чтобы определить его будущее. К их визиту готовились: привязали собак, мебель отодвинули к стенам, подношения мойрам разложили на столе в детской, оставив гореть единственный светильник, чтобы гости могли без труда найти колыбель. По прибытии богини суежились вокруг младенца, спорили друг с другом о том, как лучше выполнить свою ночную работу. Клото – Пряха – достала шерсть и начала прясть нить жизни. Лахесис – Дающая жребий – устанавливала судьбу, внося предписанные данные в реестр. Атропос – Неотвратимая – самая древняя и грозная из трех, держала в руке ножницы: именно она решала, где обрезать нить жизни. Нить, сотканная для Александра, получилась крепкой, сулила удачу и славу, но по решению Атропос осталась короткой.

⁶⁴ Условия соглашения Македонии с Халкидским союзом выгравированы на стелах, установленных в Олинфе, Македонии и Дельфах. Фрагмент такой стелы был обнаружен рядом с Олинфом и сейчас находится в Археологическом музее Салоник. Английский перевод надписи см.: P. J. Rhodes and R. Osborne (eds), *Greek Historical Inscriptions 404–323 BC* (Oxford, 2003), pp. 244–249, No. 50.

⁶⁵ Plutarch, *Life of Alexander* 3.3–5 and *Moralia* 105b. Об этом см.: Hamilton, *Plutarch Alexander: A Commentary*, pp. 7–8. Иллирийцы вступили в союз с Афинами, Фракией и Пеонией в конце июля, но их войско разгромил Пармений, поскольку они еще не успели собрать все силы, так что на практике из этого союза ничего не вышло. Фрагменты стелы с условиями союза найдены на афинском Акрополе, см.: Rhodes and Osborne, *Greek Historical Inscriptions 404–323 BC*, pp. 254–259, No. 53.

⁶⁶ Plutarch, *Life of Alexander* 3.4. См.: N. G. L. Hammond, 'The Regnal Years of Philip and Alexander' in *Greek, Byzantine and Roman Studies* (1992), pp. 355–373.

⁶⁷ О фольклорных традициях Македонии, связанных с тремя богинями судьбы, см.: G. F. Abbott, *Macedonian Folklore* (Cambridge, 1903), pp. 126–128; L. A. Heuzey, *Le mont Olympe et l'Acarnanie: exploration de ces deux régions, avec l'étude de leurs antiquités, de leurs populations anciennes et modernes, de leur géographie et de leur histoire* (Paris, 1860), p. 139; H. Triantaphyllides, 'Macedonian Customs' in *Annual of the British School at Athens*, Vol. 3 (1896–1897), pp. 207–214; A. J. B. Wace and M. S. Thompson, *The Nomads of the Balkans, an account of Life and Customs among the Vlachs of Northern Pindus* (London, 1914), p. 101.

Дни после родов были опасным временем как для матери, так и для ребенка. Многие не переживали первую неделю, погибая от болезни или инфекции. Античное кладбище Пеллы, обнаруженное под эллинистической агорой и прилегающими территориями, дало ученым бесценную информацию о реалиях того времени. Женские захоронения встречаются там в два раза чаще, чем мужские, а дети составляют 35–40 % общего числа погребенных, и большинство из них не дожили до года. Младенческая смертность по современным меркам шокирующе высокая⁶⁸. Многие дети постарше похоронены со множеством разных предметов, особенно терракотовых изделий: среди них миниатюрные петушки, предметы домашней обстановки, бутылочки для кормления молоком и фигурки кормилиц с младенцами на руках. В этих предметах, положенных рядом с мертвыми, отражается вся боль родителей от расставания с детьми, нити жизни которых оказались столь короткими. Философ V века до н. э. Демокрит из Абдеры, вероятно, лучше всех выразил эти чувства: «В воспитании детей полно ловушек. Успех требует борьбы и заботы, неудача означает горе, превосходящее любую иную печаль»⁶⁹. Александр был одним из тех, кому повезло выжить.

Ритуалы и церемонии помогали обозначить смену лиминального статуса ребенка и превращение его в члена семьи. Свидетельств о подобных обычаях в Македонии нет, но можно предположить, что они не отличались от тех, которые практиковались в других частях греческого мира. Первые обряды исполнялись сразу после появления младенца на свет: новорожденного клали на землю и осматривали, чтобы выявить возможные дефекты и признаки слабости. Если все было хорошо, его быстро поднимали, признав достойным воспитания; но если он не плакал, или у него были какие-либо отклонения, или семья не могла позволить себе кормить еще один рот, от новорожденного могли отказаться. В таком случае младенца выносили из дома и передавали в руки богов, что не всегда означало смерть. Усыновление было обычным явлением, и эта практика снабдила многих поэтов и драматургов популярным сюжетным приемом⁷⁰. Официальная церемония принятия следовала на пятый или седьмой день, ее называли *амфидромия*. Младенца проносили вокруг семейного очага и устраивали в его честь пир. Ритуал имянаречения обычно происходил в то же время или на десятый день, если семья могла позволить себе долгие празднества⁷¹. Александр – обычное имя как в Эпире, так и в Македонии, оно означает «защитник людей». Имя это прежде носили два македонских царя: Александр I, один из самых прославленных правителей Македонии, и старший брат Филиппа – Александр II, так что оно несло с собой большие ожидания⁷².

Олимпиаде посчастливилось принадлежать к царской семье, и это обеспечило ей доступ к лучшим врачам страны. Акарнанец по имени Филипп с запада Греции упоминается как личный врач Александра, заботившийся о нем с младенчества. Кормилицей была назначена Элланике – для краткости Ланике. Она была македонянкой, сестрой одного из придворных или сподвижников Филиппа, Клита, умелого воина. У нее уже были собственные дети, один

⁶⁸ I. M. Akamatis, 'The Cemetery in the Agora District' in Lilimbaki-Akamati, Akamati, Chrysostomou and Chrysostomou (eds), *The Archaeological Museum of Pella*, pp. 40, 42.

⁶⁹ Democritus, DK 68 B 275 (trans. K. Freeman, *Ancilla to the Pre-socratic Philosophers* (Harvard, 1948), p. 116 (275)).

⁷⁰ Soranus, *Gynecology* 2.6.10. О том, какие действия совершались в том случае, если ребенка сочли достойным принятия в семью, можно узнать по практике, принятой во Фракии и Македонии II века н. э.: новорожденного клали на доску или нечто твердое и плотно приматывали, что приводило к уплощению спины и затылка. Такое формирование черепа, судя по всему, не было преднамеренным, а составляло побочный результат попыток поддерживать тело ребенка, хотя практика формирования черепа известна в разных частях Греции еще с доисторического времени. См.: K. O. Lorentz, 'The Malleable Body: Headshaping in Greece and the Surrounding Regions' in *Hesperia Supplements*, Vol. 43 (2009), pp. 75–98.

⁷¹ О ритуалах, сопровождавших деторождение и младенчество, см.: V. Dasen, 'Childbirth and Infancy in Greek and Roman Antiquity' in B. Rawson (ed.), *A Companion to Families in the Greek and Roman World* (Malden (MA), Chichester, Oxford, 2011), pp. 291–314; R. R. Hamilton, 'Sources for the Athenian Amphidromia' in *Greek, Roman and Byzantine Studies*, Vol. 25, No. 3 (1984), pp. 243–251; S. Hitch, 'From birth to death: life changing rituals' in E. Eidinow and J. Kindt (eds), *The Oxford Handbook of Greek Religion* (Oxford, 2015), pp. 521–534.

⁷² S. Psoma, 'Naming the Argeads' in *КТЭМА* 40 (2015), pp. 15–26.

из которых, Протей, судя по тому немногому, что мы о нем знаем, был весьма примечательным персонажем и мог выпить вина больше, чем любой из его сверстников⁷³. Считалось, что грудное молоко дает мальчикам силу и агрессию, и Ланике, видимо, была выбрана в качестве источника этой энергии.

В ранние годы ребенка окружали обитательницы женской части дома – гинекеи. Обычно она располагалась на первом этаже. Неизвестно, где жила Олимпиада в Пелле, но весьма вероятно, что это были личные покои дворца. Общий двор по традиции представлял собой открытое пространство, где женщины могли сидеть на открытом воздухе, разговаривать с посетителями и работать за ткацким станком. Дети, как и в сельских общинах современной Греции, находились под постоянным присмотром, что позволяло контролировать и направлять исследовательские порывы малышей. Рождение здорового мальчика должно было существенно улучшить положение Олимпиады в местной иерархии. Помимо обязанностей материнства, она должна была приспособиться к жизни при македонском царском дворе. Медея в одноименной трагедии Еврипида повествует о трудностях, с которыми сталкивалась невеста-иностранка при вступлении в новый дом:

И вот жене, вступая в новый мир,
Где чужды ей и нравы и законы,
Приходится гадать, с каким она
Постель созданием делит⁷⁴⁷⁵.

Вероятно, Олимпиаде не все было так уж чуждо. Молоссия и Македония были соседними монархиями, жители которых разделяли схожие убеждения и ценности⁷⁶. Чтобы облегчить переход в новый мир, молодую царицу наверняка сопровождали служанки. Союз Филиппа с Ариббой привлек к македонскому двору других молоссов. У одного из телохранителей Филиппа было молосское имя, а брат Олимпиады, Александр, позже сопровождал македонского царя. Вместе они сформировали молосскую фракцию при дворе, представляя интересы родного региона, а также оказывая поддержку новым членам царской семьи.

Чтобы снискать расположение нового окружения, Олимпиада обратилась к одному из немногих доступных женщине способов участия в общественной жизни – религии. Дионис – бог вина, плодородия, веселья и безумия – был популярен в Македонии, и ему поклонялись, называя его разными эпитетами: Лжечеловек, Дикарь и Сокровенный⁷⁷. Он также играл особую роль в церемониях, связанных с загробной жизнью, был центральной фигурой орфических культов, гимнов, обрядов и ритуалов, которые, как полагают, были переданы людям мифическим музыкантом Орфеем. Посвященных в эти мистерии хоронили с золотыми пластинками или табличками поверх рта – своего рода пропусками в более счастливую обитель в подземном мире. Некоторые из таких посвященных были найдены в некрополе Пеллы, на табличках указаны имена умерших: Филоксена, Эпиген, Гегесиска⁷⁸. Принято считать, что Еврипид написал своих знаменитых «Вакханок», одну из самых необычных и ужасающих греческих трагедий, во время пребывания в Риме, при дворе Архелая. Однако для описания экстатиче-

⁷³ Athenaeus, *Learned Banqueters* 4.129a, 10.434a – b; Arrian, *Anabasis of Alexander* 4.9.3; Aelian, *Historical Miscellany* 12.26.

⁷⁴ Перевод И. Ф. Анненского. Прим. ред.

⁷⁵ Euripides, *Medea* 237–241 (trans. J. Morwood, Oxford World's Classics). Русский перевод цит. по: Еврипид. Трагедии: в 2 т. / пер. И. Ф. Анненского. – М.: Ладомир, Наука, 1999. Т. 1.

⁷⁶ Strabo, *Geography* 7.7.8.

⁷⁷ M. B. Hatzopoulos (ed.), *Macedonia: From Philip to the Roman Conquest* (Princeton, 1994), pp. 108–109, *Cultes et rites de passage en Macédoine*, Meletemata 19 (Athens, 1994), pp. 63–72.

⁷⁸ F. Graf and S. Iles Johnston, *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets* (London and New York, 2007), pp. 40–45; M. W. Dickie, 'The Dionysiac Mysteries in Pella' in *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 109 (1995), pp. 81–86.

ских и примитивных ритуалов фиванских вакханок драматург вполне мог использовать опыт, приобретенный в Македонии⁷⁹. Плутарх в «Жизнеописании Александра» утверждает, что все женщины северных регионов Греции были чрезвычайно привержены обрядам в честь Диониса и устраивали причудливые церемонии, подражая обрядам соседней Фракии, в которой также был широко распространен дионисийский культ. Обычно они переодевались в костюмы *менад* – «беснующихся», как называли мифических последовательниц Диониса, облаченных в шкуры животных и несущих ветки или стебли ферулы, увитые плющом, а иногда увенчанные сосновыми шишками (*тирсы*). Раз в два года они скрывались в горных рощах, где исполняли культовые танцы, с распущенными волосами плясали под бой дионисийских бубнов, издавая ликующие ритуальные возгласы: «Эвой!» Посидипп, эллинистический поэт и уроженец Пеллы, в одной из эпиграмм упоминает македонскую менаду, девушку-подростка по имени Нико, чья ранняя смерть повергла в горе весь город⁸⁰.

Поклонницы дионисийского культа (*тиасой*, или *тиасы*) делились на три группы: *мималлоны* (в более ранние времена известные как *клодоны*), *бассары* и лидийские женщины⁸¹. У каждой из этих групп была своя патронесса, и Олимпиада, возможно, достигла этого ранга во время пребывания в Пелле. После смерти Александра она смогла заручиться поддержкой македонян, выйдя к войскам в костюме менады. Есть некоторые свидетельства о том, что она была женщиной высокого роста, и это делало ее публичное появление довольно эффектным⁸². Плутарх рассказывает, что она с особым рвением участвовала в обрядах, предоставляя своим спутницам больших ручных змей, которые поднимали головы из плюща и священных корзин для винограда, обвивались вокруг ритуальных посохов и наводили ужас на мужчин, коим довелось их лицезреть⁸³.

Змеи стали едва ли не постоянным атрибутом Олимпиады, и этот образ охотно тиражируется писателями и режиссерами – от Мэри Рено до Оливера Стоуна. Но важно понять, насколько это было необычно для того времени. Змеи упоминаются в «Вакханках» Еврипида, где сопровождают ритуалы менад; иногда змей носят как гирлянды, и они лижут щеки своих дрессировщиц⁸⁴. Их мифическая связь с дионисийскими обрядами, возможно, повлияла на современные обычаи, сохраняющиеся в Македонии; упоминаются также змеи, которых использовали для отправления культа Сабазия⁸⁵, аналогичного культу Диониса, в Афинах в IV веке до н. э.⁸⁶ В древности змеи почитались как священные существа, в которых могли вселяться духи умерших; они служили символами процветания, плодородия и исцеления. Их держали в качестве домашних животных, как, по-видимому, было в случае Олимпиады, и считали охранниками дома, способными отпугивать мышей и других паразитов. Эта традиция до сих пор существует в некоторых балканских общинах⁸⁷. Терракотовых змей, словно камберленд-

⁷⁹ E. R. Dodds, *Euripides: Bacchae* (Oxford, 1944), p. xlv.

⁸⁰ Poseidippos, AB 44. См.: J. N. Bremmer, 'A Macedonian Maenad in Posidippus (AB 44)', in *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 155 (2006), pp. 37–40.

⁸¹ Athenaeus, *Learned Banqueters* 5.198e; Polyaneus, *Stratagems* 4.1.

⁸² Athenaeus, *Learned Banqueters* 13.560f. В «Романе об Александре» (3.22) Олимпиаду сравнивают с мифической царицей Кандакией, женщиной необычайно высокой и обладавшей почти божественной внешностью. Считается, что на votivной стеле III века н. э., теперь находящейся в Археологическом музее Флорини, изображены Олимпиада, Александр и Филипп, причем Олимпиада возвышается над обоими мужчинами. См.: A. Rizakis and J. Touratsoglou, *Inscriptions of Upper Macedonia* (1985), p. 137, No. 148.

⁸³ Plutarch, *Life of Alexander* 2.5. Про Олимпиаду и ее участие в церемониях дионисийского культа см.: Carney, *Olympias: Mother of Alexander the Great*, pp. 88–103.

⁸⁴ Euripides, *Bacchae* 102–104, 698, 768.

⁸⁵ Сабазий – фракийское и фригийское рогатое божество, сын Великой Матери, его почитали в разных регионах Греции, иногда приравнивая к Дионису, иногда к другим сугубо греческим богам. *Прим. пер.*

⁸⁶ Demosthenes, *On the Crown* 18.259–60.

⁸⁷ Cicero, *On Divination* 2.135 – Цицерон упоминает одну ручную змею Олимпиады. О современных обычаях, связанных со змеями в Греции и на Балканах, см.: E. J. Haland, 'Saints and Snakes: Death, Fertility and Healing in modern and Ancient Greece

ские колбаски, свернувшихся калачиком, то и дело находят в святилищах по всей Македонии. Обычно они прижимаются к земле, из-за чего в них могли видеть посланников хтонических божеств. Даже в римскую эпоху еще помнили о связях Пеллы со змеями: сатирик Лукиан отмечает, что в его время они стали чем-то вроде туристической диковинки. Несмотря на то что город к тому периоду стал маленьким и незначительным, в нем держали нескольких крупных ручных змей; о них заботились женщины, и, по преданию, змеи даже спали с детьми⁸⁸. Лукиан считал, что к таким обычаям привело изобилие змей в том регионе и такие традиции повлияли на рождение одного из мифов о происхождении Александра: якобы Олимпиада возлежала со змеем – в облике которого к ней явился бог, – и в результате такого союза был зачат Александр.

Подобные предания изображают Олимпиаду загадочной, экзотичной и религиозной фанатичкой, пристрастившейся к странным ритуалам, заклинательницей змей. Но если учитывать важность дионисийского культа в Македонии и активную вовлеченность женщин царского дома в поддержание этой религиозной практики, то мы получаем вполне банальный контекст, на фоне которого даже истории о змеях не кажутся странными. Готовность Олимпиады утвердиться в новом обществе через исполнение важной религиозной роли следует рассматривать сквозь призму жизни царского двора, поскольку она была не единственной женой Филиппа, а лишь одной из многих.

Судя по имеющимся у нас данным, цари Македонии придерживались полигамии, и Филипп вывел эту практику на новый уровень. Фрагмент из утерянной биографии царя, написанной Сатиром в III веке до н. э., перечисляет семь его жен⁸⁹. Для Филиппа брак был средством заключения политических союзов, и значительное число жен отражало тенденцию к экспансии и росту его влияния на Балканах и в Греции. Ко времени встречи с Олимпиадой Филипп уже имел три или четыре супруги. Согласно Сатиру, среди них была иллирийка Аудата, вероятно, из семьи царя Бардилы; Филадельфия из правящего дома Элимеи, области в Верхней Македонии, а также фессалийки Никесиполис из Фер и Филинна из Ларисы, хотя брак Филиппа с последней добавляют в список современные историки. Иллирийка, элимейка из Верхней Македонии, две фессалийки и молоссянка – впечатляющее количество трофеев⁹⁰.

Знатным северянкам предоставлялось больше свободы, чем их современницам из греческих городов-государств, таких как Афины, где жизнь женщин была строго регламентирована. Иллирийские царицы сражались в битвах, фессалийки могли распоряжаться огромными состояниями и играли определенную роль в мифах о первых правителях; молоссянки царского рода были регентами своих мужей и детей⁹¹. Женщин Македонии сравнивали с гомеровскими царицами, способными оказывать влияние на частную и публичную жизнь; по крайней мере, они помогали управлять дворцом во время отсутствия мужей. Иногда женщины участвовали в придворных пиршествах, а в царствование Филиппа они все чаще появлялись на грандиозных процессиях и государственных церемониях. Украшенные ослепительными драгоценностями и яркими нарядами, они служили воплощением царственной утонченно-

and Italy' in *Performance and Spirituality*, Vol. 2, No. 1 (2011), pp. 123–124; M. MacDermott, *Bulgarian Folk Customs* (London and Philadelphia, 1998), p. 66.

⁸⁸ Lucian, *Alexander the False Prophet* 6–7.

⁸⁹ Athenaeus, *Learned Banqueters* 13.557b.

⁹⁰ Продолжаются дискуссии, составлен ли список жен в сочинении Сатира в хронологическом порядке. Дискуссии о других женах см.: A. M. Prestianni Giallombardo, 'Diritto' matrimoniale, ereditario e dinastico nella Macedonia di Filippo II' in *Rivista storica dell'antichità* 6–7 (1976–1977), pp. 81–110; A. Tronson, 'Satyrus the Peripatetic and the Marriages of Philip' in *Journal of Hellenistic Studies*, Vol. 104 (1984), pp. 116–126; E. D. Carney, *Women and Monarchy in Macedonia* (Oklahoma, 2000); M. B. Hatzopoulos, *Ancient Macedonia, Trends in Classics – Key Perspectives on Classical Research* (Berlin/Boston, 2020), pp. 138–142.

⁹¹ Polyaeus, *Stratagems* 8.60 (Illyrian queens), 8.44 (фессалийские аристократки – основательницы рода в Фессалии), 6.1.2–5 (Ясон был сыном исключительно богатой женщины из города Феры, обладавшей множеством рабов; подробнее об этом см.: M. Mili, *Religion and Society in Ancient Thessaly* (Oxford, 2015), pp. 79–85); Carney, *Olympias: Mother of Alexander the Great*, pp. 7–8; P. Cabanes, 'La place de la femme dans l'Épire antique, *Iliria*, Vol. 13, No. 2 (1983), pp. 193–269 (женщины Эпира).

сти и свидетельством богатства и влияния царской семьи. Основная часть их жизни оставалась закрытой и таинственной для античных авторов, поэтому лишь в определенные периоды, обычно в моменты кризиса, эти женщины выходили из тени и попадали в исторические записи⁹².

Первой такой македонянкой была Эвридика, мать Филиппа, родом из Линкестиды, области в Верхней Македонии⁹³. Источники дают два противоположных ее образа: преданная мать, которая защищала своих детей и обеспечивала для них преемственность власти в неспокойные времена, и прелюбодейная гарпия, плетущая заговор против своего мужа, а позже помогавшая убить собственных сыновей⁹⁴. Ученые в целом придерживаются первой точки зрения⁹⁵, а враждебные наветы, вероятно, распространялись ее придворными недругами во время вызвавшего немалые споры правления ее сыновей. Возможным источником зловредных слухов была Гигея, другая жена Аминты III. Трое ее сыновей представляли угрозу в начале правления Филиппа, и в итоге старший сын Гигеи был убит, остальные бежали в Олинф. Раскопки в Вергине (древняя столица, город Эги) позволили обнаружить храм Евклеи, богини доброй славы, со статуями, посвященными Эвридике. Датированные серединой IV века до н. э., они, вероятно, представляли собой политический жест, призванный опровергнуть слухи и защитить репутацию Эвридики⁹⁶. Она стала прототипом более поздних македонских и эллинистических цариц и, вероятно, прожила при правлении своего сына Филиппа довольно долго, оставаясь в роли матриарха. С ней приходилось иметь дело всем вновь прибывающим ко двору женщинам, поэтому ее можно считать отдаленным прообразом властной свекрови, которая так много значит и в современном греческом обществе.

Группа женщин с высоким статусом при царском дворе делала его местом, где царила жестокая конкуренция. Нет никаких доказательств, что при дворе Филиппа существовало понятие официальной «главной жены». Положение конкретной царской супруги зависело в основном от детей, от значения региональной державы, которую она представляла, и от переменчивого интереса Филиппа. Смена имени могла указывать на фаворитизм или попытки заискивать перед правителем и его матерью. Иллирийка Аудата взяла имя Эвридика – вероятно, в честь свекрови. Олимпиада, которую до брака называли Мирталой и Поликсеной, видимо, получила новое имя в честь олимпийской победы Филиппа, совпавшей с ее личным домашним триумфом – рождением мальчика⁹⁷.

Главной соперницей Олимпиады в борьбе за влияние при дворе в первые годы, по всей видимости, была Филинна, знатная фессалийка из Ларисы. Она также родила Филиппу сына Арридея, вероятно, незадолго до появления на свет Александра, но вскоре стало ясно, что с тем

⁹² Подробнее о женщинах из македонского царского дома см.: Carney, *Women and Monarchy in Macedonia and 'Macedonian Women'* in J. Roisman and I. Worthington (eds), *A Companion to Ancient Macedonia* (2010, Malden (MA), Chicster, Oxford), pp. 409–427; A. Kottaridi, 'Queens, princesses and high-priestesses: the role of women at the Macedonian court' in *Heracles to Alexander the Great* (Oxford, 2011), pp. 93–126 and 'Women in Macedonia' in *Alexander the Great: Treasures from an Epic Era of Hellenism* (New York, 2004), pp. 89–114; S. Le Bohec-Bouhet, 'Réflexions sur la place de la femme dans la Macédoine antique' in A.-M. Guimier-Sorbets, M. B. Hatzopoulos and Y. Morizot (eds), *Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine. Actes des colloques de Nanterre (décembre 2002) et d'Athènes (janvier 2004)*, Meletemata 45 (Athens, 2006), pp. 187–198.

⁹³ В древних источниках Эвридику часто называют иллирийкой, однако имя ее отца – Сирра – типично именно для Линкестиды и не фиксируется в Иллирии.

⁹⁴ Justin, *Epitome* 7.4.5–7, 7.5.4–5 (плохая Эвридика); Aeschines, *On the Embassy* 2.26–9, Cornelius Nepos, *Iphicrates* 3.2 (хорошая Эвридика).

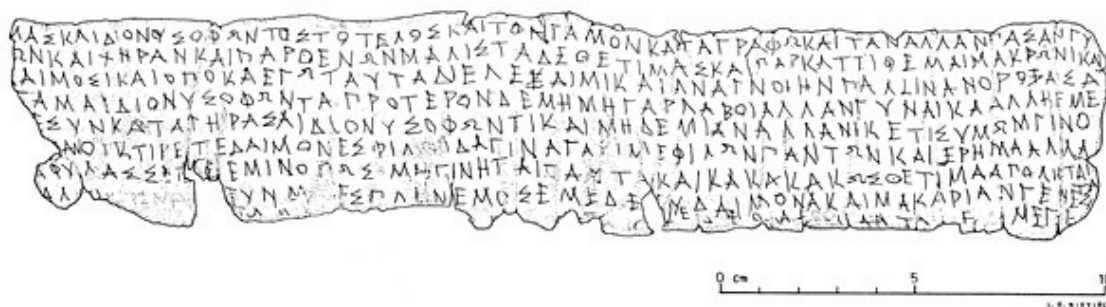
⁹⁵ См.: E. D. Carney, *Eurydice and the Birth of Macedonian Power* (Oxford, 2019); K. Mortensen, 'Eurydice: Demonic or Devoted Mother?' in *Ancient History Bulletin* 6 (1992), pp. 156–171.

⁹⁶ R. J. Lane-Fox, 'The 360's' in R. J. Lane-Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon* pp. 261–262.

⁹⁷ Plutarch, *Moralia* 401b, Justin, *Epitome* 9.7.13 (Myrtale). Рассуждения о смене имен см.: Carney, *Olympias: Mother of Alexander the Great*, pp. 93–96; G. McGurdy, *Hellenistic Queens: A study of womanpower in Macedonia, Seleucid Syria, and Ptolemaic Egypt* (Baltimore and London, 1932), p. 24; K. Mortensen, *Olympias: Royal Wife and Mother at the Macedonian Court* (University of Queensland Diss, 1997), p. 34. Другим источником имени Олимпиада могло быть ее желание почтить олимпийских богов.

мальчиком что-то не так. Древние источники сообщают об этом весьма неопределенно. «Он страдал неизлечимой душевной болезнью», – сообщает один историк⁹⁸. Плутарх утверждает, что в детстве он проявлял благородный нрав и считался одаренным, пока его не поразила болезнь. Он приписывает это бедствие не природе, а колдовству. «После этого Олимпиада дала ему лекарства, которые повредили его тело и разрушили его разум», – пишет он⁹⁹.

Вера в силу магии была широко распространена в Древнем мире. Ее можно было использовать для защиты – дети обычно носили амулеты от сглаза и воздействия целой когорты злых духов, – но также и во вред, как видно из случая с обвинением Олимпиады. Этот слух получил интересный контекст в 1986 году, когда археологи обнаружили табличку с проклятиями, похороненную вместе с неким человеком на античном кладбище Пеллы¹⁰⁰. Табличка содержала заклинание, составленное местной женщиной или кем-то другим от ее имени и записанное на небольшой свинцовой пластине, вложенной в руку мертвеца. Он должен был сыграть роль посланника в подземном мире. Женщина призывала темные силы помочь ей избавиться от соперницы. Ею двигал страх быть покинутой, отвергнутой мужчиной, состариться в одиночестве – ужасающая перспектива для античного мира. Табличка датируется IV веком до н. э., временем, когда отношения в царском дворце в неменьшей степени зависели от противоречивых желаний его обитателей. Это было первое материальное свидетельство, что в Пелле практиковали магию. Обвинения в колдовстве, выдвинутые против Олимпиады, вполне могли отражать искреннюю веру в то, что она каким-то образом ответственна за несчастье, случившееся с Арридеем.

Табличка с проклятием из Пеллы. E. Voutiras u I. Kiagias

Поскольку Арридей так или иначе сошел со сцены, Александр оказался самым способным сыном Филиппа, и, соответственно, его статус повысился. Это вознесло и Олимпиаду на вершину дворцовой иерархии. Ее истинные отношения с Филиппом трудно реконструировать. Через год или два после Александра у них родился второй совместный ребенок, девочка по имени Клеопатра, но о других детях Филиппа от Олимпиады ничего не известно. Должно быть, в дальнейшем сексуальные отношения в браке прекратились. Рено рисует их брак настолько несчастливым, основываясь на более поздних событиях, когда Александр достиг зрелого возраста, к тому же появление еще одной молодой жены подрывало его положение и статус

⁹⁸ Diodorus Siculus, *Library of History* 18.2.2 (trans. R. M. Greer, Loeb 377). В Гейдельбергской эпитомах говорится, что у Арридея были эпилепсия и умственная неполноценность; см.: P. Wheatley, 'The Heidelberg Epitome: a Neglected Diadoch Source' in V. Alonso Troncoso and E. M. Anson (eds), *After Alexander: The Time of the Diadochi (323–281 BC)* (Oxford, 2013), pp. 17–29. Подробнее о состоянии Арридея см.: W. S. Greenwalt, 'The Search for Arrhidaeus' in *Ancient World* 10 (1984), pp. 69–77; E. D. Carney, 'The Trouble with Philip Arrhidaeus' in *Ancient History Bulletin* 15.2 (2001), pp. 63–89; G. Squillace, 'Olympias' Pharmaka? Nature, Causes, Therapies and Physicians of Arrhidaeus' Disease' in M. D'Agostini, E. M. Anson and F. Pownall (eds), *Affective Relations and Personal Bonds in Hellenistic Antiquity: Studies in Honour of Elizabeth D. Carney* (Oxford and Philadelphia, 2020), pp. 51–61.

⁹⁹ Plutarch, *Life of Alexander* 77.5 (trans. B. Perrin, Loeb 99).

¹⁰⁰ E. Voutiras, *Marital Life and Magic in Fourth Century Pella* (Amsterdam, 1998).

Олимпиады. Однако вне художественного допущения нет поводов датировать конфликт времени детства Александра. Напротив, Олимпиаде было необходимо сохранять теплые отношения с Филиппом, чтобы обеспечить свое будущее и будущее сына. Реальная жизнь, вероятно, протекала более спокойно, чем сцены из романа Рено, но некая неопределенность, безусловно, присутствовала в жизни любой царской супруги. Занятый расширением границ своего государства, Филипп в любой момент мог пасть в битве, и всегда существовала угроза, что жизнь его семьи изменится в одно мгновение, как это почти произошло в 354 году до н. э., когда во время осады Мефоны, еще одного порта в Термейском заливе, находившегося под контролем Афин, Филипп получил стрелу в глаз¹⁰¹. Племянник Филиппа, Аминта, был старше Александра и в течение многих лет наверняка считался наиболее вероятным преемником царя. Кроме того, никуда не делись единокровные братья Филиппа, бежавшие в Олинф и остававшиеся для него угрозой. Сообщения, приходившие глубокой ночью, бесшумные шаги убийц по дворцовым коридорам, суматоха, наступавшая после гибели любого правителя, – все это было гнетущей реальностью. Преемственность на троне не закрепили официально, и многое зависело от того, у кого будут сила и поддержка, чтобы воспользоваться возможностью. Александру пришлось рано повзрослеть.

Само собой, в такой атмосфере Олимпиада яростно защищала своих детей и была верна кровным родственникам. Как и в случае с Эвридикой, позднее недоброжелатели пытались испортить ее репутацию. После смерти Александра она вступила в противостояние с некоторыми из его преемников, и те распространяли множество клеветнических и зловещих слухов. Именно поэтому древние источники представляют в основном негативный портрет Олимпиады. Плутарх называет ее ревнивой и мстительной¹⁰². Антипатр, который управлял Македонией в отсутствие Александра, говорил, что она была упрямой, резкого нрава, имела манеру вмешиваться в государственные дела, что, по его мнению, составляло самые неподходящие качества для матери Александра¹⁰³. В ней, определенно, была некоторая безжалостность, особенно по отношению к врагам; она была готова даже на убийство. Но в этом она не отличалась от мужчин своего времени и круга, хотя и стала жертвой гендерных стереотипов: античные авторы обычно изображали могущественных женщин страстными и зависимыми от внезапных желаний, непостоянными и совершенно ненадежными. Преданность своим детям часто делала Олимпиаду слишком властной матерью, вмешивающейся в дела сына. Александр, по видимому, ругал ее за это, заявляя, что она требует слишком высокую плату за девять месяцев пребывания в ее утробе¹⁰⁴. Тем не менее мать и сына объединяла глубокая взаимная привязанность. С точки зрения Александра, Олимпиада была одной из немногих людей, которым он мог доверять полностью. Единственная слеза, пролитая матерью, могла смыть все жалобы в письмах Антипатра¹⁰⁵. Учивость Александра, уже ставшего царем, с иностранками обеспечила ему немало похвал современников и позднейших историков. Не исключено, что такому поведению его научила мать. В этом отражалось его уважение к Олимпиаде за то, как последовательно она защищала не только его интересы, но и саму его жизнь.

Итак, ранние годы Александр провел в окружении женщин – матери и ее служанок, няни, сестры, бабушки. Он слушал их истории, наслаждался их привязанностью. Все жены Филиппа, вероятно, имели отдельные покои во дворце и неподалеку от него, но общение между ними не прекращалось, и Александр виделся с другими царскими отпрысками: единокровной сест-

¹⁰¹ О ранении Филиппа и потере глаза см.: Pliny the Elder, *Natural History* 7.124 and Athenaeus, *Learned Banqueters* 6.248f. Обсуждение см.: A. S. Riginos, 'The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication' in *Journal of Hellenistic Studies* 114 (1994), pp. 103–119.

¹⁰² Plutarch, *Life of Alexander* 9.3.

¹⁰³ Arrian, *Anabasis of Alexander* 7.12.6.

¹⁰⁴ Arrian, *Anabasis of Alexander* 7.12.6.

¹⁰⁵ Plutarch, *Life of Alexander* 39.7.

рой Киннаной, дочерью Аудаты-Эвридики, Арридеем, старшим по возрасту кузенком Аминтой. Женщины, по всей видимости, враждовали, но, возможно, у кого-то складывались дружеские или прагматичные союзы. Филипп, отец и муж, по большей части отсутствовал, а их, несмотря на разное происхождение и амбиции, сближали общие интересы: все они были чужестранками при македонском дворе и изо всех сил пытались найти свое место под солнцем. Как и многие соперничающие матери, Олимпиада подталкивала Александра к тому, чтобы он становился во всем лучшим, всегда был настороже и мог при случае проявить инициативу. Его формальное образование началось в возрасте семи лет. Он пережил опасности младенчества, и теперь пришло время покинуть мир женщин и вступить в мир мужчин. Его молосское наследие будет влиять на него и в дальнейшем, но проявить себя как личность ему придется в македонском обществе.

Глава 2. Знакомство с македонянами

Темпейская долина – самый известный и живописный путь в Македонию. Для древних греков, которые отважились отправиться на север, оставив родной очаг, это восьмикилометровое ущелье, протянувшееся между горами и расположенное на юго-восточной границе Македонии, было линией разлома, границей между мирами. Именно греческие описания, прежде всего афинян, преобладают в книгах по истории, помогая нам понять, как современники относились к македонцам. Такой сторонний взгляд позволит нам по-новому посмотреть на личность Александра, ведь он был частью самобытной культуры, неразрывно связанной с характерными ландшафтами его родины. Пройти через Темпейскую долину и выйти по другую сторону гор – значит попасть в его ускользающий мир и переосмыслить то, что видели античные авторы.

После путешествия по равнинам Фессалии пейзаж начинает меняться, земля идет складками, вздымается перед путником, словно непреодолимый каменный барьер. Извилистая река Пеней (или Пиньос) – лучший проводник. Как нить Ариадны, она уверенно указывает проход через скалистый лабиринт. Сельскохозяйственные угодья, тут и там встречающиеся по обоим берегам, постепенно мельчают. Посевные поля сменяются фруктовыми садами, ряды плодородных деревьев сужаются в тех местах, где остатки обрабатываемой почвы поглощаются надвигающимися обрывами. Однако для деревьев еще находится место между рекой, главной дорогой и вершиной гор. Эта полоска пышной растительности наделяет Темпейскую долину природной красотой, которая мало изменилась за прошедшие тысячелетия. В древности ущелье было воспето в поэзии и прозе. Римский император Адриан даже воссоздал схожую сельскую идиллию в обширном комплексе вилл в Тиволи в Центральной Италии, идеальном прибежище для отдыха от забот по управлению империей. Это уютный, прохладный и восхитительно зеленый район. Утром туман окутывает края ущелья, словно дыхание Зевса. Закаты превращают осенние деревья в богатое лоскутное одеяло из красновато-коричневой и блекло-золотой зелени. Темпейская долина – природное чудо Греции.

Существует предание, которое приписывает создание горного прохода Посейдону, разорвавшему цепь скал землетрясением и открывшему реке доступ к долгожданному Эгейскому морю¹⁰⁶. Долина считалась священным местом поклонения Аполлону, пришедшему сюда, чтобы очиститься после убийства змееподобного чудовища Пифона в Дельфах, а поэт Овидий выбрал Темпейскую долину фоном, на котором разворачиваются события знаменитого мифа об Аполлоне и Дафне¹⁰⁷. Согласно его рассказу, сохранившемуся в «Метаморфозах», юную нимфу преследовал обезумевший от страсти бог-лучник, и она, опасаясь за свою добродетель, вознесла молитву к своему отцу – речному богу Пенее, умоляя о спасении. Внезапно ее тело онемело, кора окутала девичью плоть, из кончиков пальцев выросли листья, пальцы ног превратились в корни. Дафна обернулась лавровым деревом¹⁰⁸. Аполлон гладил новоявленный ствол и чувствовал трепетание сердца нимфы под жесткой корой.

Бог – ей: «Если моею супругою стать ты не можешь,
Деревом станешь моим, – говорит, – принадлежностью
будешь

¹⁰⁶ О Посейдоне и Темпейской долине см.: Herodotus, *Histories* 7.129, Strabo, *Geography* 9.5.2, Philostratus, *Imagines* II, 17, Athenaeus, *Learned Banqueters* 14, 639e – f. Согласно другой легендарной традиции, проход в горах проложил Геракл, см.: Diodorus Siculus, *Library of History* 4.18.6–7, Lucan, *Civil War* 6.345.

¹⁰⁷ Aelian, *Historical Miscellany* 3.1, Plutarch, *Moralia* 293c.

¹⁰⁸ Ovid, *Metamorphoses* 1.450–569. Этот миф также связывали с рекой Ладон в Аркадии (Pausanias, *Guide to Greece* 8.20).

Вечно, лавр, моих ты волос, и кифары, и тула»¹⁰⁹¹¹⁰.

На берегах реки еще можно найти несколько лавров, ярких и благоухающих, прячущихся в тени величественных платанов, опускающих ветви в бурые воды Пеней, словно потоки масла стекающие к морю¹¹¹.

Пейзаж, который открывается путникам, отличается от того, что можно увидеть в других областях Греции¹¹². Оливковые рощи – оплот средиземноморской культуры – начинают исчезать, сохраняясь лишь на нескольких участках вдоль побережья. Появляются густые леса, никогда не пересыхающие реки, множатся горы и равнины. Это самодостаточная земля, богатая природными ресурсами, с климатом, который нельзя отнести ни к средиземноморскому, ни к балканскому, он представляет собой смесь того и другого. На выходе из Темпейской долины открывается вид на зубчатый массив Олимпа. В его тени пролегла тонкая полоска земли, обращенная к северу, к открытым равнинам Пиерии и плодородному полумесяцу Эматии. На западе за ширмой скал спрятаны нагорья Верхней Македонии с полными рыбой озерами и обширными плато, на которых до сих пор обитают волки и медведи. Это земля, которую Александр когда-то называл своим домом. Это Македония.

Для древнего путешественника, пришедшего с юга, край этот был странным и экзотическим, его окружали враждебные народы: иллирийцы, пеонийцы и фракийцы. Это была срединная земля на пересечении дорог. На протяжении большей части своей истории Македония оставалась суровым краем, Диким Западом античного мира. Ландшафт и социальные условия сформировали людей, которые были, как заметил один современник, «грубыми деревенщинами», склонными «называть корыто корытом»¹¹³. Многие жители плотничали или рубили лес; бесконечные запасы македонской древесины помогли построить афинский флот, а запах плавящейся на солнце смолы и свежесрубленных сосен пропитал каждый уголок. Другие были пастухами или скотоводами, а ископаемые богатства региона позволили сформироваться узкоспециализированной прослойке ремесленников и кузнецов, трудившихся в городах и поселках. Македоняне поклонялись тем же богам, что и их южные соседи, в стране были распространены греческие имена, население придерживалось многих эллинских обычаев. Однако были и различия. Простолюдины говорили на македонском диалекте греческого языка, лингвистически сходном с тем, что существовал в Фессалии и на северо-западе Греции; зачастую его с трудом понимали греки, непривычные к северному выговору. Так, македоняне произносили «ф» как «б» – «Филипп» звучало в их устах как «Билипп»¹¹⁴. Национальным головным убором была *каусия*, похожая на объемный берет, который защищал голову от метели и заменял

¹⁰⁹ Перевод С. В. Шервинского. *Прим. ред.*

¹¹⁰ Ovid, *Metamorphoses* 1.555–560 (trans. D. Raeburn, Penguin). Русский перевод цит. по: Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / пер. с лат. С. В. Шервинского. – М.: Художественная литература, 1983.

¹¹¹ Aelian, *Historical Miscellany* 3.1. Этот отрывок основан на описании Темпейской долины у Феопомпа, в книге 9 «Истории Филиппа». Параллель вод и оливкового масла можно найти у Гомера: Homer, *Iliad* 2.753.

¹¹² О географии древней Македонии и ее природных ресурсах см.: N. G. L. Hammond, *A History of Macedonia Vol. I: Historical Geography and Prehistory* (Oxford, 1972); C. G. Thomas, 'The Physical Kingdom' in J. Roisman and I. Worthington (eds), *A Companion to Ancient Macedonia* (Malden (MA), Chichester, Oxford, 2010); E. N. Borza, *In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon* (Princeton, 1990), pp. 23–57 and 'The Natural Resources of Early Macedonia' in W. Lindsay Adams and E. N. Borza (eds), *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage* (Washington, 1982), pp. 1–20; M. Girtzy, *Historical Topography of Ancient Macedonia: Cities and other Settlement-sites in the Late Classical and Hellenistic Period* (Thessaloniki, 2001).

¹¹³ Plutarch, *Moralia* 178b (trans. F. Cole Babbitt, Loeb 245).

¹¹⁴ О македонском диалекте и произношении см.: Pausanias, *Description of Greece* 4.29.3 и Plutarch, *Moralia* 292d – f («ф» и «б»). Обсуждение македонского языка: M. B. Hatzopoulos, *La Macédoine: Géographie historique, langue, cultes et croyances, institutions* (Paris, 2006), pp. 47–48; 'Macedonia and Macedonians' in R. J. Lane-Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD* (Leiden and Boston, 2011), p. 44; 'Recent Research in the Ancient Macedonian Dialect. Consolidation and New Perspectives' in G. K. Giannakis, E. Crespo and P. Filos, *Studies in Ancient Greek Dialects: From Central Greece to the Black Sea. Trends in classics – Supplementary volumes*, 49 (Berlin and Boston, 2018), pp. 299–328.

в бою шлем. Основу македонской культуры составляли сражения и пиршества, охота и верховая езда; считалось, что в Македонии почти невозможно найти порядочного раба¹¹⁵. В отличие от большинства греческих народов и городов-государств, Македония сохранила монархию, царей постоянно окружали десятки знатных людей и приближенных, называемых сподвижниками, Спутниками (*гетерой*). Такой общественный порядок пришел напрямую из гомеровской эпохи. О любви македонян к вину ходили легенды, как и об их склонности к соперничеству. Это было предельно мужское общество, в котором запрещалось мыться горячей водой и лежать на пиршественном ложе, пока не убил кабана без использования сети. В давние времена убийство человека в бою было в Македонии древним обрядом посвящения юноши во взрослые, и те, кто пока не совершил такой подвиг, вынуждены были носить на талии недоуздки¹¹⁶. Так что недаром слово «македонский» этимологически восходит к слову «горец»¹¹⁷. Это были крепкие и суровые люди.

Архаический поэт Гесиод во фрагменте утерянного «Каталога женщин» включил македонян в греческое генеалогическое древо. Он сообщает, что Пиерия и Олимп некогда были царством бога Македона – того, кто восхищается лошадьми, сына Зевса и Тии, дочери Девкалиона, чей брат Эллин считался основателем эллинской расы. Позднейшая генеалогия делает эту связь более явной, утверждая, что Македон на самом деле был сыном Эола, сына Эллина, и прародителем эолийского племени греков¹¹⁸. Понятие принадлежности к греческому роду со временем менялось, как менялись и географические границы Греции (Эллады), сквозь которые проникали обычаи и порядки, казавшиеся южным грекам примитивными. Да и смешение македонцев с некоторыми негреческими народами делало их для эллинов скорее варварами, чем греками, что нередко использовалось в политических целях¹¹⁹. Однако царская семья Македонии претендовала на особое происхождение. Она прослеживала свою родословную до самого известного из греческих героев, Геракла, и через него до Зевса.

Геродот в V веке до н. э. дает самое раннее изложение македонского мифа, который он услышал «из первых уст» во время пребывания при македонском дворе¹²⁰. Он сообщает, что три брата, потомки Геракла через Темена (царя Аргоса), были изгнаны из своего родного города Аргоса на Пелопоннесе. Они отправились на север, найдя убежище в Иллирии, а затем перебрались в Верхнюю Македонию, где стали служить местному царю в месте под названием Лебея (то есть Котел). Гаванес и Аероп, два старших брата, заботились о лошадях и волах, а младший, Пердикка, пас скот поменьше – овец и коз. Жена царя отвечала за кормление работников, но каждый раз, когда она пекла хлеб для маленького Пердикки, он увеличивался в два раза по сравнению с обычным размером, что считалось важным предзнаменованием. Когда это повторилось несколько раз подряд, царица решила посоветоваться с мужем. Вместе они истолковали это как предупреждение богов. Трех братьев вызвали в царский дворец и велели покинуть страну. Но они отказались уйти без причитающейся им платы. Царь пришел в ярость

¹¹⁵ *The Greek Anthology* 6.335 (каусия); Demosthenes, *Third Philippic* (9) 31 (рабы).

¹¹⁶ Polyaeus, *Stratagems* 4.2.1 (купание); Athenaeus, *Learned Banqueters* 1.17f (охота); Aristotle, *Politics* 7.1324b (убийство человека).

¹¹⁷ N. G. L. Hammond, *The Macedonian State: Origins, Institutions and History* (Oxford, 1989); E. M. Anson, 'The Meaning of the Term Macedones' in *Ancient World* 10 (1985), p. 12.

¹¹⁸ Hesiod, *Catalogue of Women* frag. 7 (Loeb 503) (Constantine VII Porphyrogennitus *On the Provinces of the Byzantine Empire* 2.1–5) and Hellanicus frag. 74.

¹¹⁹ Новейшие исследования об этническом статусе древних македонцев см.: J. Engels, 'Macedonians and Greeks' in Roisman and Worthington (eds), *A Companion to Ancient Macedonia*, pp. 81–98; M. B. Hatzopoulos, 'Macedonians and other Greeks' in Lane-Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedonia*, pp. 51–78, and 'Perception of Self and the Other: The Case of Macedon' in I. D. Stefanidis, V. Vlasidis and E. Kofos (eds), *Macedonian Identities Through Time: Interdisciplinary Approaches* (Thessaloniki, 2008), pp. 39–52; J. Hall, 'Contested Ethnicities: Perceptions of Macedonia within Evolving Definitions of Greek Identity' in I. Malkin (ed.), *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity. Center for Hellenic Studies Colloquia* 5 (Harvard, 2001), pp. 159–186.

¹²⁰ Herodotus, *Histories* 8.137–8.

и указал на солнечный луч, струившийся через отверстие в крыше – дымоход для центрального очага. «Вот плата, которую вы заслуживаете!» – воскликнул он. Гаванес и Аероп были ошеломлены. Однако Пердикку не смутил гнев царя. Вынув свой железный нож, он небрежно прочертил линию вокруг пятна солнечного света на полу и начал зачерпывать лучи в складки своей туники, тем самым принимая божественное благословение. «О царь, мы принимаем то, что ты нам предлагаешь», – только и сказал он. Затем все трое ушли.

Вскоре после этого один из приближенных лебейского царя указал на странность этого поступка и возможные опасности, которые он предвещал. Вооруженных всадников послали выследить и убить братьев, но было уже поздно. Беглецы пересекли реку, которая чудесным образом поднялась за их спиной. Всадникам пришлось отказаться от погони, и братья были спасены. Они продолжили странствие вниз по равнинам и наконец поселились в месте под названием Сады Мидаса на склонах горы Бермия (или Вермион). Геродот торопливо заканчивает рассказ, коротко заявляя, что они продолжали завоевывать окружающие территории. Пердикка стал первым царем, исполнил свое предназначение и основал правящую семью Македонии. Геродот называет их Теменидами, в честь происхождения Пердикки от Темена, но в других источниках они упоминаются как Аргеады – имя, которое предпочитают современные историки¹²¹. Вероятно, Аргеадами македонские цари были названы по имени Аргея, сына Пердикки, созвучному Аргосу, или в честь Аргея, сына бога Македона.

---

¹²¹ См.: C. J. King, *Ancient Macedonia* (London and New York, 2018), pp. 14–17; S. Sprawski, ‘The Early Temenid Kings to Alexander I’ in Roisman and Worthington (eds), *A Companion to Ancient Macedonia*, pp. 127–143, and ‘Argead terminology’ in W. Heckel, J. Heinrichs, S. Müller and F. Pownall (eds), *Lexicon of Argead Macedonia* (2020), pp. 100–101.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.